

БИБЛИОТЕЧКА
АПН

Эрнст Генри

КИТАЙ
против
АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ НОВОСТИ

ЭРНСТ ГЕНРИ

КВТАЙ
против
АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ НОВОСТИ
1979 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Имперский план Мао	3
Глава вторая «Юго-Восточную Азию — нам!»	13
Глава третья. Подкоп против Индии и заговор на Ближнем и Среднем Востоке	28
Глава четвертая. От Индийского океана до Берингова моря	39
Глава пятая. Пример Монголии (Из дневника)	49
Глава шестая. Сговор с США и Японией	67
Глава седьмая. «Азиатская миссия»?	75
Глава восьмая. За мирную Азию	91

Эрнст Генри

КИТАЙ ПРОТИВ АЗИИ

Редактор В. Симakov

Художественный редактор А. Хисиминдинов

Технический редактор Л. Крюкова

Корректор О. Зурабишвили

Технолог В. Руденко

Сдано в набор 21.4.1979 г. Подписано в печать 6.8.1979 г. Т14444

Формат 70×90/32. Объем 3,0 печ. л., 3,51 усл. л., 3,84 уч.-изд. л.

Тираж 200 000 экз. Зак. 1040. Изд. № 4661. Цена 25 коп.

Издательство Агентства печати Новости.

Фотонабор Калининского полиграфического комбината

г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Отпечатано в типографии Издательства Агентства печати
Новости.

г. Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

© Издательство Агентства печати Новости,
1979

11101

0801000000

---

*Эта брошюра издана также на английском,
вьетнамском и монгольском языках.*

Глава первая

Имперский план Мао

В чем разгадка нынешней внешней политики Китая — той политики, которая уже годами изумляет весь мир?

На этот вопрос часто даются самые разнообразные ответы. В самом Пекине заявляют, что дело в «великих революционных идеях», завещанных Мао Цзэдуном. На Западе уверяют, что Китай будто бы «страшится» Советского Союза и ищет для себя «защиты» где и как может. Другие, наконец, считают, что в политике Китая вообще ничего понять нельзя: все в ней будто бы окружено извечной «азиатской» тайной, непостижимой для европейских и американских умов. На эти темы написано уже множество книг. Один домысел сменяет другой.

Но бесспорно во всяком случае одно. Тот же Китай, который 30 лет назад у всех на глазах начал с перехода к социализму, стал в наши дни самой воинственной и немирной державой мира.

Не проходит и недели, временами дня, чтобы из Пекина не раздавались голоса, предрекающие близость новой мировой войны и настаивающие на необходимости спешной подготовки к ней. Идея разрядки подвергается осмеянию. К соседним государствам почти непрерывно предъявляются территориальные требования.

Становится известно, что китайская дипломатия старательно науськивает одно государство на другое. Проводится лихорадочная милитаризация страны. И вся государственная политика КНР заостряется прежде всего против двух держав: Советского Союза и Вьетнама.

Встает вопрос: как дело дошло до всего этого?

Зачем понадобилось КНР порвать с содружеством социалистических стран, так грубо повернуться против него? Какие мотивы толкнули руководителей Китая на этот путь?

Ведь так просто, мимоходом или случайно подобные повороты, коренным образом меняющие судьбы целой страны и минирующие международную сцену, не предпринимаются. Казалось бы, после второй мировой войны и еще в 50-х годах все говорило за то, что участие в содружестве социалистических стран гарантировало этой азиатской державе и с национальной точки зрения, и с точки зрения социалистической перспективы самое благоприятное будущее. Сомневаться в этом не мог ни один мыслящий и информированный человек.

Китайская экономика могла бы с щедрой помощью Советского Союза быстро, но спокойно развиваться. Не было бы нужды прибегать к рискованным, пагубным «скачкам», которые вели не вверх, а вниз, расшатывая все еще слабый производственный организм страны. Китайское сельское хозяйство не застряло бы на уровне отсталого ручного труда, не исчезли бы возможности широкомасштабной замены такого труда машинами, населению не пришлось бы жить на полуголодные рационы. Все в стране могло бы пойти по-иному.

Не надо было бы совершать катастрофическую «культурную революцию», мутить умы незрелых подростков, душить интеллигенцию, тормозить развитие образования и науки. Не дошло бы дело до

избиения и истребления старых, бесценных революционных кадров. Стало бы действительно возможным практически строить великий социалистический Китай, который занял бы одно из главных мест среди держав мира.

И, наконец, ни одна капиталистическая страна никогда бы не посмела в этих условиях пошевелить и пальцем против Китая, члена могущественного социалистического содружества. Его интересы были бы обеспечены раз и навсегда.

Все это не подлежит сомнению. Перед Китаем была открыта дорога к небывалому в его тысячелетней истории прогрессу. Почему Мао Цзэдун и его сторонники не пошли по этой дороге?

Почему они не дали своему народу воспользоваться благами социализма, ради которого он принес столько жертв? Из-за чего плоды его побед были грубо растоптаны? Сама история ставит перед маоистами этот вопрос, и уйти от него им не удастся.

Речь для нас в данном случае идет не о полемике. Необходимо разобраться в самой сути проблемы. Очень многое теперь уже ясно.

Не идеи социализма, не интересы китайского народа побуждают пекинских лидеров делать то, что они делают. Есть другая причина, которая все объясняет, учтя которую, удивляться уже не приходится. В основе политики Пекина лежит особый, не имеющий ничего общего с социализмом план, разработанный еще десятилетия назад Мао Цзэдуном.

В плане этом предусматривается создание некоего азиатского (а в дальнейшем не только азиатского) сверхгосударства, охватывающего большую часть всего материка, простирающегося от Тихого океана чуть ли не до Каспийского моря и от Индийского океана до Берингова моря и включающего в свои пределы свыше трети населения земного шара.

Да, автор согласен: такие замыслы выглядят фантастически. Но люди нашей эпохи уже давно заметили, что вычеркивать кажущееся фантастическим из истории современности не приходится. Достаточно вспомнить о том, что имело место в мире в 30-х и 40-х годах, когда человечеству пришлось столкнуться с другим, не менее фантастическим планом создания мировой империи.

Откуда взялся проект маоистской азиатской сверхдержавы?

Ошибочно думать, что его придумал сам Мао Цзэдун. «Великий кормчий» действительно пустил в оборот нынешний вариант этого проекта и считал его осуществление целью своей жизни. Но подлинным автором был не он.

Люди, размышляющие о нынешней политике Китая, не всегда углубляются в прошлое этой страны. Между тем именно оно немало объясняет в сегодняшних пекинских делах. Перед нами предстают тени далеких веков. Но в истории бывают тени, которые на миг — только на миг — как бы оживают.

Главная цель феодальных богдыханов Китая вплоть до XIX века никогда не представляла секрета. Все они думали прежде всего об одном: во что бы то ни стало покорить соседние страны к югу, северу, западу и востоку от Китая.

Это не домысел, а факт, отмечаемый во всех учебниках. В XVII веке китайско-маньчжурские императоры захватили Южную Монголию, Северную Монголию и Корею, в XVIII веке — Восточный Туркестан (Синьцзян) и Тибет. Тогда же они пытались завоевать Бирму, Вьетнам, Лаос, Камбоджу, Непал, часть нынешней Индии и продвинуться к русским поселениям на Амуре. За столетия до этого ханом Хубилаем была предпринята попытка покорить даже Японию.

Была выработана целая идеология, оправдывавшая план захвата Китаем Азии. Государство богдыханов считалось центром Вселенной (отсюда название «срединное царство»), вокруг которого должно стоять на коленях все остальное человечество. Китайцы рассматривались как избранный народ, люди других национальностей — как «варвары» и «данники» либо же как племена, подлежащие истреблению или насильственному окитаиванию. Сами богдыханы назывались «непогрешимыми учителями». Мы еще скажем об этом.

Характерно, что никакие религиозные лозунги при этом не выдвигались. Действовали чисто политические и военные побуждения: взять на абордаж всю Азию. Политика эта проводилась столетиями, от богдыхана к богдыхану, пока в XIX веке европейские империалисты не ворвались в Китай сами, положив, как казалось, конец идее китаецентризма. Но это было не так: идея выжила.

Много лет спустя, уже в нашем веке, ее сначала попытались воскресить правые гоминьдановцы, партия китайской буржуазии, стоявшая у власти в стране до конца второй мировой войны. Ее лидеры неоднократно заявляли о необходимости «вернуть» Бирму, Вьетнам, Корею и Монголию. Но чанкайшисты были слишком слабы, чтобы всерьез думать о таких авантюрах. Только Мао Цзэдун смог стать наследником идеи богдыханов.

Вот несколько фактов, документально подтверждающих его роль в проекте создания китайской великоазиатской империи.

Еще в 1935 году, беседуя с американским журналистом Эдгаром Сноу, Мао Цзэдун сказал: «В школьные годы я... прочел брошюру о расчленении Китая. В ней говорилось об оккупации Японией Кореи и Формозы (Тайваня. — Э. Г.), о потере сюзеренитета над Индокитаем (то есть Вьетнамом,

Лаосом и Кампучией. — Э. Г.), Бирмой и прочими странами. Когда я прочел все это, я почувствовал себя угнетенным и огорченным».

Это не было только школьными воспоминаниями. В следующем году Мао Цзэдун заявил тому же Сноу, что «непосредственной задачей Китая является возвращение всех потерянных районов, а не только защита своего суверенитета по эту сторону Стены (Китайской. — Э. Г.)». Тогда же он изрек, что Монгольская Народная Республика в свое время «станет частью китайской федерации». Еще три года спустя Мао совершенно недвусмысленно дал понять, что и Непал и Аннам (нынешний Вьетнам. — Э. Г.) якобы также по праву принадлежат Китаю.

Еще яснее он стал высказываться, придя к власти. Например, беседуя с японскими парламентариями в 1964 году, он выдвинул претензии на огромные советские территории. В следующем году, выступая на заседании Политбюро Компартии Китая, он прямо поставил перед маоистами задачу захвата Юго-Восточной Азии и внедрения в бассейны Тихого и Индийского океанов. Мао сказал:

«Мы обязательно должны заполнить Юго-Восточную Азию, включая Южный Вьетнам, Таиланд, Бирму, Малайзию, Сингапур... Такой район, как Юго-Восточная Азия, очень богат, там очень много природных ископаемых... В будущем он будет очень полезен для развития китайской промышленности... После того, как заполучим Юго-Восточную Азию... ветер с Востока будет подавлять ветер с Запада». Можно ли отличить этот язык от языка типичного империалиста недавних времен (теперь выражаться так откровенно они уже не смеют)?

Что же касается феодальных богдыханов, то Мао Цзэдун и не думал отрицать сходство своей политики с их политикой. Однажды он так и сказал:

«Нам надо соединить Карла Маркса и Цинь Шихуана». Завоеватель Цинь Шихуан был создателем централизованной китайской империи.

В другой раз, в декабре 1956 года, в «Жэньминь жибао» была опубликована редакционная статья, в которой говорилось: «Нам, китайцам, надо особенно помнить, что в периоды династий Хань, Тан, Мин и Цин наша страна тоже была великой империей...»

Действительно, маоисты начали именно там, где кончали феодальные повелители Китая. Тени ожидают. От того так и бросается в глаза фантастика всего проекта.

Выступление Мао на заседании Политбюро ЦК КПК в 1965 году о важности захвата Юго-Восточной Азии было равносильно принятию такого решения маоистским руководством. С этого момента деятельность китайской дипломатии и китайского генерального штаба была окончательно сосредоточена на подготовке выполнения великоимперского плана. Вскоре выяснилось, что проектируемое Мао Цзэдуном китайское сверхгосударство должно было, по его замыслу, значительно превзойти империю, которой когда-либо владели богдыханы.

Если подсчитать площадь всех стран в Азии, которые пекинские политики намерены включить в свою территорию или сферу влияния, то — даже без учета их нынешних претензий к СССР и МНР, без Индии, Среднего и Ближнего Востока — получается массив в 5,3 миллиона кв. км. Население 13 присоединенных или зависимых стран составило бы свыше полумиллиарда человек.

На месте КНР образовалась бы сверхдержава площадью около 15 миллионов кв. км с населением около полутора миллиардов человек. Это, как сказано, равно больше трети нынешнего населения всего мира. В случае включения Индии в сферу

влияния Китая, как об этом мечтают пекинские лидеры, население такой сверхдержавы составило бы больше половины человечества.

Считал ли Мао Цзэдун, что его великоазиатский план должен быть осуществлен завтра же? Нет, он указывал своим приближенным, что на все это потребуется время. Так, в начале 70-х годов он заявил, что для выхода к важным берегам Малаккского и Сингапурского проливов (между Малайзией и Индонезией. — Э. Г.) и к восточным границам Индии Китаю потребуется 8—15 лет.

Нелишне запомнить и это высказывание. Здесь и лежит разгадка сегодняшних операций китайской дипломатии. За этот срок Мао Цзэдун явно не рассчитывал на рост мощи самого Китая. Расчет был другой: на третью мировую войну, в которую он и его последователи хотели — и хотят — втравить Советский Союз с Западом. В такой момент, считал Мао Цзэдун, Китай и должен будет приступить к активным действиям в Азии. Нет никакого сомнения, что именно эта концепция остается в силе для его наследников и поныне.

В чем же подлинная суть всего этого чудовищного, фантастического замысла?

Пекинские стратеги считают, что если им удалось бы построить в Азии огромный политический, экономический и военный массив, то уже никакое другое государство в мире не смогло бы им сопротивляться и было бы вынуждено от них зависеть. Тем самым был бы сделан главный шаг к установлению **мировой** гегемонии.

Нечто похожее тлело когда-то в умах английских империалистов так называемой «восточной школы» лорда Керзона, мечтавшего расширить Британскую империю, добавив к Индии, Бирме и Малайзии львиную часть Китая, Иран, Афганистан, Месопотамию, Палестину, Египет и даже Советскую Среднюю Азию. План этот был в числе тех, которые

перечеркнула социалистическая революция в России.

Но маоисты мало чему научились из истории. Их великоимперский план для Азии повторяет почти все типичные черты старых империалистических планов на этом континенте. Какой-либо социалистической или революционной идейности в нем нет и следа. Он во многом дублирует гремевший до войны «план Танаки», в котором японские милитаристы намечали захват львиной доли — если не всей — материковой Азии. Он неприемлем ни для какого азиатского народа, в том числе и для китайского народа. Что на деле он несет им?

После второй мировой войны казалось, что азиатские народы могут, наконец, рассчитывать на длительный прочный мир.

Японский милитаризм, так долго бушевавший на азиатских территориях, был разгромлен. Английские империалисты после потери Индии, Пакистана, Цейлона, Бирмы, в дальнейшем Малайзии, Сингапура и Арабского Востока были как агрессивная сила уже не в счет; они продолжали торговать и наживаться, но не властвовать, как властвовали на протяжении столетий. Франция вела бои за Индокитай, но ее поражение было неминуемо. Сдать свои позиции пришлось и голландским колонизаторам в Индонезии. После «вековой спячки» народы Азии вставали наконец во весь свой рост.

Только Соединенные Штаты еще пытались напоследок противоборствовать истории — расправиться с народными силами в Корее, ударить по Вьетнаму, закрепить в Японии. Но уже было ясно, что в основном проиграна и их игра. Арьергардные бои империалистов кончались. На смену колониям шли независимые и социалистические государства, открывая азиатскому континенту новое будущее. Дороги Азии были отныне как будто свободны.

Теперь мы знаем, что китайские шовинисты своим великоимперским планом пытаются закрыть их вновь.

Уже говорилось о том, какие цели ставят себе авторы этого плана. Главное, однако, не в том, чего хотят они сами. Что действительно может произойти в Азии, если намерения Пекина будут осуществляться? Предвидеть это возможно. Основные факты налицо. Любая политика, что бы ни предполагали ее инициаторы, имеет свои объективные закономерные последствия.

При внимательном рассмотрении великоимперских замыслов лидеров КНР обнаруживается, что в них намечены три главных направления: на юг, на запад и на север от Китая. В каждом из этих направлений китайская политика, безусловно, чревата опасными последствиями для мира в Азии. Играть в имперские игры в наше время на любом континенте не так просто.

Факт таков, что дуло китайской политики в каждом из трех направлений наведено на свободолюбивые, прежде всего на социалистические и прогрессивные государства. В некоторых случаях применяется тактика постепенного окружения и измора намеченных стран, в других — политика грубого нажима, включая устройство государственных переворотов, в третьих — игра в заключение зловещих «союзов» и натравливание страны на страну. Во всех случаях Китаю в тот или иной решающий момент предназначается роль покровителя, то есть на деле гегемона.

Исследование всех этих методов подтверждает, что в Пекине самым старательным образом изучали старую практику империалистических держав в той же Азии. Все в их плане построено на типично великодержавной «технике».

Глава вторая

«Юго-Восточную Азию — нам!»

Первое, южное направление китайской экспансии в Азии, предусмотренное в плане Мао и его наследников, обнаруживается хотя бы из высказываний Мао Цзэдуна на уже упоминавшемся заседании Политбюро ЦК КПК в 1965 году. Юго-Восточная Азия неудержимо притягивает Пекин как по политическим и экономическим, так и по военно-стратегическим соображениям.

Столь же ясно, что продвижение Китая в эту сторону действительно создало бы в Азии чрезвычайно серьезное положение. Под угрозой оказались бы прежде всего жизненные интересы трех молодых социалистических государств — Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Что отношение КНР к социалистическому Вьетнаму было недоброжелательным с самого начала, замечалось давно. В Пекине годами действовали так, как будто Вьетнам вовсе не был независимой страной. Это обнаружилось еще во время американской вооруженной интервенции. В те годы существовал только один верный, совершенно безопасный путь для снабжения Вьетнама оружием и боеприпасами — сухопутный путь. У Советского Союза была общая граница с Китаем, у Китая — граница с Вьетнамом, никто не мог помешать перевозкам по

этому пути. В 60-х годах оказалось, однако, что кто-то мешает: сам Китай.

Пекин всячески препятствовал регулярной транспортировке грузов через свою территорию, задерживая вагоны с оружием и запасными частями, присваивая себе многое из поставок. В апреле 1965 года Китай дважды отклонил советские предложения организовать «воздушный мост» из СССР через Китай во Вьетнам. Советским самолетам приходилось летать в Ханой окольным путем через Тегеран, Бомбей, Вьентьян, что занимало 23 часа — вдвое больше, чем по маршруту через Пекин. Становилось ясно, что в Пекине на деле стремятся затянуть войну во Вьетнаме возможно дольше. Не менее характерно было то, что приехавший тогда в Ханой Дэн Сяопин привез вьетнамцам следующее предложение: отказаться от какой-либо помощи со стороны Советского Союза, всецело положиться на помощь от Китая и за это получить от КНР миллиард долларов! Иными словами, прямо предлагалось перейти за деньги на положение вассальной страны Китая. Так английские колонизаторы когда-то покупали индийских махараджей с их княжествами.

Мало того. Ряд неопровержимых фактов доказывает, что руководители КНР на деле вообще никогда не хотели объединения Южного Вьетнама с северной частью независимой от них страны. Они только делали вид, что стоят за это. В действительности в Пекине предпринимались меры для поддержки «антиханойских групп» на юге.

Чем руководствовались маоисты при проведении такой политики? Это стало ясно не сразу.

Когда Вьетнам в 1975 году одержал решительную победу над американскими интервентами, в Пекине ему рукоплескали. Вьетнам поздравляли как будто от всего сердца. Но когда год спустя видный

американский специалист по китайским делам профессор Стэнли Спектор вернулся из поездки в КНР, он сделал сенсационное заявление: «Пекинское руководство выражает разочарование по поводу поражения США во Вьетнаме».

Как можно было это понять? Логический вывод был один: Китай в те годы рассчитывал либо разделить политический контроль над Вьетнамом с Соединенными Штатами, либо же при каком-то другом повороте событий включить эту страну с ее 50 миллионами жителей и богатыми естественными ресурсами в свою собственную сферу влияния.

Ни того, ни другого не произошло. Вьетнам остался независимым и пожертвовать своей самостоятельностью решительно отказался. Страна, тысячелетиями страдавшая от китайских феодалов, не желала надевать на себя новое ярмо. Этого в Пекине не забыли и не простили.

Вскоре же выяснилось, что крах американской интервенции китайскую политику в этом районе, по существу, не изменил. Цель осталась та же, менялись лишь методы. Главным из них стала детально разработанная операция по стратегическому окружению Вьетнама, на этот раз, по-видимому, еще без прямого сговора с США.

С запада на Вьетнам стали натравлять ставленников Пекина в Кампучии, снабжаемых китайским оружием и обучаемых китайскими военными советниками. Нажим Пекина на самих кампучийцев готовился уже годами. Еще в сентябре 1967 года тогдашний глава государства Камбоджи Нородом Сианук открыто заявил, что КНР оспаривает право суверенной Камбоджи быть хозяином своей страны и что проводится «маоизация наших соотечественников в разных слоях общества». Пришедшая позднее к власти в Кампучии группа Пол Пота — Иенг

Сари в самом деле сделала страну фактически вассалом Китая.

С юга и востока операцию по окружению Вьетнама было намечено проводить с принадлежащих этой стране Парасельских островов в Южно-Китайском море, захваченных в январе 1974 года Китаем. По данным индийской печати, КНР претендовала на множество островов в этом море.

Зачем все это нужно китайцам, если не для запланированного покорения Вьетнама?

Речь тут может идти прежде всего о создании и укреплении военных позиций. Расположены они в тысяче с лишним километров от побережья Китая, но очень близко к Вьетнаму. Видимо, было решено занять для КНР в этом районе место, потерянное после войны сначала Францией, потом Соединенными Штатами, чтобы, подчинив себе Вьетнам, стать гегемоном всего Индокитая.

В 1978 году последовала вторая операция, нацеленная в спину Вьетнама: неистовая кампания по поводу хуацяо — проживающих во Вьетнаме лиц китайской национальности. Что произошло? Пересказывать весь ход событий нет нужды, сообщения о них месяцами не сходили с газетных страниц. Достаточно напомнить о главном. Прежде всего возникает вопрос: кто такие хуацяо в социальном отношении?

Всего китайцев во Вьетнаме до начала 1978 г. было два с лишним миллиона человек. Это, как и в других азиатских странах, не однородный слой, и смешивать их нельзя. Многие из них рядовые трудящиеся, честные рабочие и ремесленники, живущие в добром согласии с вьетнамцами. Но верхушка хуацяо представляла собой совершенно определенную группу. Это были торговцы, разбогатевшие во времена французского колониального господства,

в частности в южной части Вьетнама, служившей базой для интервенции против Северного Вьетнама. Став агентами и компрадорами иностранных колониальных фирм, такие дельцы скупали по дешевке рис у крестьян в дельте реки Меконг, продавали населению за высокие цены импортные товары, владели транспортными предприятиями. Они же действовали в качестве ростовщиков и спекулянтов, всячески эксплуатируя население, в том числе самих китайцев. Другими словами, они были паразитами и за счет своих собственных земляков.

Некоторые из них накапливали такие богатства, что их стали называть «королями» и магнатами. Так, например, стали известны «король риса» Ма Хи, «короли стали» Ли Лонг Тхан и Лам Хуэ Хо, «король бензина» Ли Хоа и другие. Но самое примечательное в политическом отношении было то, что почти все эти дельцы и капиталисты из среды хуацяо в 60-е и 70-е годы втягивались в контакт с маоистским Китаем, фактически включаясь в его агентуру. В то же время они постоянно перечисляли огромные валютные средства в Китай, нанося тем самым большой ущерб национальной экономике страны, в которой проживали. Делалось это еще в годы господства в Китае чанкайшистов.

В политическом отношении можно провести параллель между ролью верхушки хуацяо во Вьетнаме и в других странах Азии и той подрывной работой, которую до второй мировой войны вело в Европе руководство так называемых генлейновцев — немецких фашистов в тогдашней Чехословакии. Как и те, хуацяо из среды крупной буржуазии предают страну, в которой живут. Там, где жизненные интересы азиатского государства требуют общенародного сплочения, хуацяо способствуют разжиганию национальной розни. Это и нужно Пекину.

После освобождения Южного Вьетнама народная власть не тронула китайцев. Всем лицам этой национальности была предоставлена возможность свободно выбирать: либо выехать в КНР на законных основаниях, либо же остаться в стране в качестве полноправных вьетнамских граждан. Что касается предприятий китайской торговой и промышленной буржуазии, владевшей до того основными рычагами южновьетнамской экономики, то в соответствии с общей перестройкой социальной системы они были национализированы. Это и стало для Пекина сигналом к действию.

Состоятельным хуацяо был дан из КНР приказ дезорганизовать экономику Вьетнама и создать хаос. Когда это не удалось, китайцев призвали массами покидать страну без разрешения властей и минуя пограничные заставы. К концу июля более 150 тыс. хуацяо выехали в Китай. Наконец, была дана команда возвращаться назад во Вьетнам беспорядочными толпами, снова незаконно переходя границу. После принятия необходимых мер вьетнамским правительством Пекин стал метать гром и молнии против Вьетнама, обвиняя его в преследованиях китайского населения и требуя подчинения грубейшему диктату КНР. Еще раньше китайское правительство в одностороннем порядке прекратило оказание всякой экономической помощи Вьетнаму.

В те же дни зависимую от Пекина Кампучию и побудили участить вооруженные нападения на Вьетнам. Проживавшие в граничащей с КНР северной провинции СРВ национальные меньшинства мео, зяо и зяи стали также подстрекать к бегству. Им, как обнаружилось, говорили: «Китай в скором времени нападет на Вьетнам, и все малые народности в пограничных районах будут уничтожены». В городе Хошимин (бывший Сайгон) на юге Вьетнама был подготовлен антиправительственный заговор

участники которого — китайцы — действовали по инструкциям посольства КНР в Ханое.

Вооруженные силы Китая стали нарушать вьетнамскую границу, протянувшуюся более чем на 1200 километров, тут и там провоцируя кровавые столкновения. За период с 1974 по 1977 год было зафиксировано 2 200 случаев китайских провокаций в пограничных районах. Китайские самолеты вторгались в воздушное пространство Вьетнама, китайские корабли стали проникать в его территориальные воды (это имело место 1500 раз), китайские инженеры — строить укрепления вдоль границы. Сформированные из обезумевших хуацяо банды налетчиков бесчинствовали по стране, устраивали погромы и затем скрывались на китайской территории.

В соседней Лаосской Народно-Демократической Республике из горского племени мео были с помощью американского ставленника генерала Ванг Пао сформированы отряды мятежников. В Пекине стали подумывать о создании на территории Лаоса и Вьетнама «независимого государства мео».

Выяснялось, что вся акция против Вьетнама была распланирована до мельчайших подробностей. Операция велась по образцу, когда-то придуманному профессиональными колонизаторами в Азии, но в Пекине многому в таких делах подучились сами. Удивлялись даже старые мастера по колониальным делам в Лондоне, Вашингтоне и Париже. Но все это было только предисловие.

17 февраля 1979 года группа китайских армейских корпусов общей численностью полмиллиона солдат, сотни танков при поддержке артиллерии безо всякого объявления войны набросились на Вьетнам по всей линии его северной границы. Весь мир, включая даже капиталистические страны, был

ошеломлен. Очевидно, только Вашингтон был в глубоком секрете заранее информирован присутствовавшим там за несколько дней до этого тем же Дэн Сяопином, пытавшимся в свое время купить Вьетнам за миллиард долларов. Тайный союз КНР с Америкой, направленный на покорение Юго-Восточной Азии, уже находил, таким образом, свое выражение на практике.

В течение двух с половиной недель китайские захватчики, явно рассчитывая на безнаказанность, ломились в страну, вели беспощадный обстрел сел и городов, грабили и убивали застигнутое врасплох мирное население, расправлялись с военнопленными. Теперь маоистский Китай открыто показывал свое лицо, нисколько не стесняясь. Оперировала особая дивизия, сформированная из бежавших из Вьетнама хуацяо, переодетых в форму Вьетнамской народной армии. Многие в действиях китайцев живо напоминало практику гитлеровцев на оккупированных ими территориях в годы второй мировой войны. Цель всей операции была ясна: в предельно короткий срок врезаться в глубь Вьетнама и заставить страну капитулировать. В то же время: запугать другие страны Юго-Восточной Азии, подготовив их к китайскому диктату в будущем.

Только мощный отпор вьетнамской армии и народа, взрыв возмущения во всем мире и решительное заявление Советского правительства о его верности принятым на себя обязательствам по советско-вьетнамскому договору о дружбе и сотрудничестве заставили Китай 5 марта 1979 года объявить о выводе своих войск. Пока последний китайский отряд не покинул вьетнамскую землю, продолжались повальные грабежи населения, убийства и издевательства над ни в чем не повинными людьми по эсэсовскому образцу. Материальные и культурные ценности во время оккупации китайцев

повсюду без разбора уничтожались, в жилые дома закладывалась взрывчатка, осуществлялась тактика выжженной земли.

В марте 1979 года стало известно, что КНР концентрирует войска и на границе с Лаосом, усиливает здесь свою разведывательно-диверсионную деятельность и провоцирует национальные меньшинства на заговоры и антиправительственные выступления.

Весной 1979 года агрессия против Вьетнама была остановлена, но Китай по-прежнему старается раздувать конфликт. Продолжает действовать все та же основная директива: так или иначе, тем или иным способом поставить Вьетнам, Лаос и Кампучию на колени и тем самым облегчить Китаю прорыв в остальную Юго-Восточную Азию. Ибо Индокитаем дело не ограничивается.

Под прямой угрозой со стороны Китая уже в 60-х годах оказывается ряд других государств полуострова — Бирма, Таиланд, Малайзия, Сингапур, а также Индонезия, Филиппины. До войны все эти страны входили в английскую, голландскую и американскую колониальные империи или сферы влияния. Теперь в каждую из них ломится новый претендент на гегемонию.

Бирма. Еще в 1956 году была предпринята попытка силой присоединить к Китаю 170 тысяч кв. км бирманской территории, т. е. одну четвертую часть всей страны! С тех пор годами делается все, чтобы ослабить это независимое государство изнутри. В ход пускаются методы, которые были неизвестны даже колониалистам старых времен.

Здесь тоже используются китайские троянские кони: в стране насчитывается с полмиллиона хуацяо. Во второй половине 60-х годов здесь из китайских школьников и студентов формировались отряды хулиганов-хунвэйбинов. Тогда же китай-

ское радио стало открыто призывать к свержению бирманского правительства. Пополненные китайскими военными сепаратистские отряды и банды феодалов на северо-востоке страны повели бои с бирманской армией. Выяснилось, что в граничащей с Бирмой южнокитайской провинции Юньнань созданы базы для мятежников, школы для их кадров и склады оружия.

Поскольку китайско-бирманская граница простирается на тысячу с лишним километров и из глубинных районов КНР построены ведущие в Бирму дороги, покончить с мятежными отрядами сепаратистов нелегко. Бои продолжаются и поныне. В самой столице Бирмы Рангуне промаоистская организация «Белый флаг» устраивала забастовки и террористические акты.

Все это делалось и делается одновременно с дипломатическими комплиментами Китая по адресу Бирмы. Явившийся в Рангун в феврале 1978 года заместитель премьера Государственного совета КНР Дэн Сяопин заверил бирманское правительство в «самых горячих чувствах братской дружбы и добрососедства» со стороны Китая. Американское агентство Ассошиэйтед пресс сообщало в те же дни: «Бирма также служит примером китайской политики в Юго-Восточной Азии или примером, как говорят бирманцы, стремления нести зажженный факел в одной руке и ведро воды в другой. Китай поддерживает мятежников в Бирме и в то же время заискивает перед правительством, которое эти мятежники пытаются сбросить».

В действительности никакого противоречия в такой китайской политике, разумеется, нет. Наоборот, есть взаимодействие: одно (дипломатическое обхаживание) дополняет другое (подрывная работа внутри). И то и другое призвано рано или поздно

привести к захвату страны. Бирма остается фактически под осадой. Зачем она нужна китайцам?

Дело не только в бирманской нефти, олове, вольфраме, цинке, свинце, уране, серебре, рисе, опиуме, во всем том, что в прошлом притягивало к Бирме английских империалистов. Еще больше Китай интересуется стратегическое положение Бирмы: вблизи Вьетнама, рядом с Индией.

Такая же двойная игра ведется по отношению к другим странам Юго-Восточной Азии. Уверения в дружбе перемежаются с устройством мятежей.

Филиппины, страна совсем в другом, противоположном от Бирмы углу Юго-Восточной Азии. Железо, медь, хром, никель, цинк, золото, серебро, рис, сахар, кокосовое масло, копра. 42,5 миллиона жителей, из них 4 миллиона магометан, многие из них с сепаратистскими настроениями, и около полумиллиона китайцев. Вдохновитель сепаратизма — чуждый магометанству Китай. В северных районах Филиппин действует науськиваемая китайскими агентами и снабжаемая китайским оружием подпольная «новая народная армия».

Филиппины в течение долгих лет находились под властью Испании, затем попали под господство Соединенных Штатов и только после второй мировой войны добились независимости. Страна никогда не имела ничего общего с Китаем ни политически, ни в своей культуре. Она находится в 750 км от побережья азиатского материка. Но зато здесь дело касается важных стратегических позиций, в частности, вблизи Вьетнама, на другой стороне Южно-Китайского моря. А это море китайский генеральный штаб считает теперь своим озером.

Таиланд, страна между Бирмой, Лаосом и Кампучией. 43,6 миллиона жителей. Китайцев и метисов здесь 10 миллионов, торговля в их руках. Прокитайская организация устраивает вооруженные вы-

ступления. В сентябре 1978 года становится известно, что посольством КНР в Таиланде была организована «инструктивная встреча» с местными хуацяо, на которой присутствовало свыше тысячи представителей крупных компаний, банков и объединений китайского национального меньшинства. Посол КНР призвал присутствовавших к активному сотрудничеству в осуществлении китайской политики в Юго-Восточной Азии, обрушившись на тех, кто «пытается сеять раскол и недовольство».

Таиланд важен не только своими природными богатствами: рисом, каучуком, свинцом, оловом, марганцем, древесиной. Если бы эта страна попала в сферу влияния Китая, то значительно усилилась бы угроза Бирме и Лаосу. Китай смог бы также укрепить свои позиции в Сиамском заливе, где уже действовала зависимая от него Кампучия. Поэтому и усердствует посол КНР в Бангкоке. Каждый из китайских дипломатов обрабатывает теперь свой стратегический участок.

К тому же району с юга примыкает **Малайзия**, государство с населением 12,25 миллиона человек; свыше трети их — китайцы. Ключевые позиции в экономике занимают они и тут. Государственная религия — ислам, исторических корней с Китаем нет, но есть каучук, нефть, железная руда, бокситы и позиции в Южно-Китайском море и у Малаккского пролива — главного пути в Индийский океан.

Под флагом «коммунистической партии» действует подпольная пропекинская организация, устраивающая мятежи и сотрудничающая с такими же диверсионными отрядами Таиланда. Это делается несмотря на то, что Чжоу Эньлай еще в начале 70-х годов торжественно обещал правительству Малайзии «не поддерживать» маоистские элементы в стране. В то же время в изданном в Пекине сборнике «Китай — географические очерки» малайзий-

ский остров Ценгму и примыкающие к нему атоллы названы «самой южной точкой Китая». Остров этот находится в Южно-Китайском море, омывающем с противоположной стороны Вьетнам. Налицо все те же расчеты.

В соседней небольшой республике **Сингапур** проживает всего 2,3 миллиона человек, но три четверти из них китайцы и остров этот имеет важное торговое и стратегическое значение. Подрывные элементы того же направления действуют, разумеется, и здесь.

Большую и предельно рискованную игру ведет Пекин годами, пытаясь включить в свою сферу влияния самую крупную страну в Юго-Восточной Азии **Индонезию** — государство с населением 145 миллионов человек, с большими запасами нефти, олова, бокситов, никеля, меди, каменного угля. Стратегическое значение позиции Индонезии в Малаккском проливе и в Яванском море весьма велико. Китайские руководители, очевидно, полагают, что если Индонезия окажется в их руках, то игра в Юго-Восточной Азии будет ими наполовину выиграна.

При прямом подстрекательстве со стороны Китая дело в 1965 году дошло до попытки путча в столице Индонезии Джакарте. Целью промаоистов было захватить власть и создать «ось Пекин — Джакарта», которая разрежала бы всю Юго-Восточную Азию. Жертвами авантюры стали сотни тысяч казненных индонезийских патриотов. Но провал путча не положил конец замыслам Китая по отношению к этой стране.

В ноябре 1977 года индонезийские власти сообщили, что в стране находится около миллиона лиц китайской национальности, нелегально прибывших сюда и оседающих в разных городах под видом преуспевающих торговцев, бизнесменов, владельцев

увеселительных заведений, туристов и моряков. Замаскированные под «туристические бюро» организации обеспечивают прием незаконно прибывших китайцев и их «легализацию» на месте. За пределами Индонезии «делом» занимались подпольные синдикаты в Гонконге, Макао и Сингапуре, изготавливавшие поддельные удостоверения личности, паспорта и даже водительские права. Среди прибывших оказалось немало китайских агентов, прошедших специальную подготовку.

В Индонезии до этого уже проживало три миллиона китайцев, контролирующих до 80 процентов экономики и внутренней торговли страны. То, что происходит, похоже, таким образом, на попытку постепенного невидимого захвата страны изнутри. Ведущая индонезийская газета «Мердека» писала в июле 1978 года:

«Почему мы столь часто равнодушно смотрим на то, как китайцы подчиняют себе нашу экономику, захватывают доверие руководителей нашей страны и втягивают их в свои сети?.. Если мы хотим сохранить самостоятельность, то должны стоять на собственных ногах, а не на костылях иностранного происхождения».

Мы коснулись всех без исключения стран Юго-Восточной Азии. Нет среди них ни одной, откуда не выглядывала бы рука китайского экспансионизма. Захват этого огромного, богатейшего района остается диспозицией № 1 в программе создания маоистской империи.

Правда, как будет сказано ниже, авторам этой программы придется еще считаться с тем, что самостоятельно захватить контроль над Юго-Восточной Азией им не удастся. Ее народы отказываются подчиниться китайскому экспансионизму, а для насильственных действий против сотен миллионов людей собственные резервы и политические

возможности Китая недостаточны. Отсюда попытки КНР сблизиться со странами АСЕАН и Японией. Пекин теперь почти открыто предлагает США и Японии поделить эту сферу влияния.

Но суть дела такие ходы Китая отнюдь не меняют. Старания Пекина заключить сделку с США и Японией не означают его отказа от долгосрочного плана завоевания Юго-Восточной Азии. Речь идет о рассчитанном на какой-то срок тактическом маневре. Проект захвата двенадцати или тринадцати стран в этом районе и, в частности, идея окружения и подчинения Вьетнама остаются в силе.

Вот почему заключенный в ноябре 1978 года советско-вьетнамский договор о дружбе и сотрудничестве вызвал такую бешеную злобу в Пекине. Там не могли не понять, что договор этот не только укрепляет советско-вьетнамские отношения, но в то же время непосредственно способствует делу сохранения мира и безопасности **всей** Юго-Восточной Азии. А это именно то, чего маоисты не хотят ни за что, ни под каким видом.

СССР прямо заявил, что он выступает за создание «зоны мира» в Юго-Восточной Азии и готов обсудить этот вопрос со всеми заинтересованными странами, включая Китай. Ответ Китая на это предложение — брань.

Глава третья

Подкоп против Индии и заговор на Ближнем и Среднем Востоке

Операции, запланированные в великоимперском плане Пекина во втором направлении, на запад от Китая, для него значительно сложнее, чем действия на юге. Западное направление того же плана указывает в сторону Гималаев. Здесь под прицелом стоит великая азиатская держава Индия — самая крупная страна на материке после СССР и КНР.

Китайские экспансионисты волей-неволей отдают себе отчет в том, что после векового опыта борьбы индийского народа с английскими угнетателями Индия на колени перед строителями новой империи не станет. Между тем без контроля над Индийским океаном и Гималаями рассчитывать на создание такой империи пекинские лидеры практически не могут. Отсюда их особая ненависть к стоящей на их пути демократической Индии.

Что бы временами ни вешали из Пекина о желании Китая поддерживать хорошие отношения с Индией, от намерения разделаться с этой страной в подходящий момент там не отказываются. Индия никогда не находилась в зависимости от богдыханов и мандаринов, но пекинские политики в их планах в Азии идут гораздо дальше своих феодальных предшественников. Стремление пробиться через Гималаи и заставить огромную страну с 615 миллио-

нами жителей выполнять волю Китая — часть того же засевшего в маоистских головах авантюристического имперского плана, хотя в настоящее время главную цель этого плана и стараются держать в секрете.

На этом фланге китайскими политиками намечается одновременно два маневра, внутри и вне Индии. Первый нацелен на дробление единства индийского государства путем сговора с сепаратистскими племенами и промаоистскими организациями на северо-востоке страны. Второй предусматривает такое же окружение Индии, какое намечено для Вьетнама. Оба маневра начались при Мао Цзэ-дуне.

Еще в 1959 г. Пекин выдвинул претензии на 130 тысяч кв. км индийской территории в районе Гималаев. Три года спустя 23 тысячи кв. км этой территории были захвачены китайскими войсками. Тогда же китайская агентура связалась с главарями горских племен нага и мизо, населяющих штаты Нагаленд, Манипур и Ассам вблизи границ с Китаем, а также с сепаратистами в штате Сикким.

Их снабдили оружием, боеприпасами, деньгами и побудили выдвинуть лозунги создания «нового независимого государства Нага», граничащего с КНР, Бирмой и Бангладеш, государства «Мизо», государства «Сиккистан». Пекинская газета «Жэньминь жибао» выступила с прямой угрозой расчленить Индию путем создания марионеточных государств. Такие же нити были протянуты к различным левацким группам в индийских штатах Уттар-Прадеш, Западная Бенгалия и других.

Подстрекать к мятежам племена Китай продолжает и сегодня. Так, в июле 1978 г. в штате Манипур были задержаны обученные в Китае диверсанты, которым помимо агитации за отделение штата от Индии поручалось совершать убийства

офицеров и официальных лиц. В штате Джамму и Кашмир был задержан китайский резидент, выдававший себя за глухонемого. В марте 1978 г. индийская печать сообщала, что помимо широкой помощи оружием воинственным племенам нага и мизо Пекин стал предоставлять им значительные субсидии для подрывных действий в северо-восточных районах Индии.

Все это делается под прикрытием защиты горцев, бедняков-крестьян и т. д. На деле, разумеется, речь идет о потайном внедрении в чужую страну с целью подготовки плацдармов для будущих военных операций. Сообщая об этом, одна индийская газета напомнила о ведущем принципе внешней политики пекинского руководства, который сводится к поговорке: не имеет значения, какая кошка — черная или белая, лишь бы она ловила мышей.

Одно время маоисты пытались действовать и в крупных центрах Индии, поддерживая левацкие организации. Но тем со временем пришлось убедиться в коварности китайской политики. С другой стороны, разные лозунги маоистов стали пропагандироваться на страницах органов правой индийской партии «Джан сангх». Черная или белая кошка — пекинским мыслителям, действительно, все равно, лишь бы были когти.

Столь же методически ведутся операции по окружению Индии путем проникновения в соседние с ней государства или сговора с ними. С севера и северо-востока идет нажим на Непал и Бангладеш. В обеих этих странах действуют активные промаоистские группы.

По утверждению влиятельной индонезийской газеты «Мердека» в июле 1978 г., Непал рассматривается Китаем как «плацдарм для продвижения в Индию с севера». Еще в 60-х годах была построена дорога Кодари-Катманду, которая может служить

для переброски китайских войск из Тибета на индийскую территорию через Непал. Тибет, заявил однажды Мао Цзэдун, — это «ладонь Китая, а Ладакх (горный хребет к северу от Гималаев. — Э.Г.), Непал, Бутан (государство в южной части восточных Гималаев. — Э. Г.), Сикким и Нагленд — ее пять пальцев». Точно таким же языком рассуждали в свое время об азиатских странах стратеги английских и японских империалистов. Разницы, по существу, нет.

Бангладеш, государство с 83 миллионами жителей, долгое время просто-напросто шантажировалось Китаем. В 1972 г., через год после создания этого государства, делегация КНР наложила вето на прием Бангладеш в ООН, сделав это вопреки принципу универсальности ООН. «Китай стремится к тому, чтобы использовать полуостров (Индостан. — Э. Г.) в качестве шахматной доски для проведения политики силы», — заявляли по этому поводу в близких правительству Бангладеш кругах.

Тогда же в самой стране начали действовать пропекинские группировки обычного диверсантского типа, совершая террористические акты, грабя банки, нападая на полицейские участки и прикрываясь при этом фразами о «революционной борьбе». В послании к главарю одной из них Мохамеду Тохе китайское руководство призвало диверсантов в Бангладеш «координировать действия» с левацкими экстремистами в соседнем индийском штате Западная Бенгалия, организуя антииндийские выступления. В 1976 г. группа Тохы вышла из подполья и стала открыто действовать в интересах Китая, выступая за сотрудничество с КНР и Пакистаном против Индии. Цель смыкалась и здесь.

С противоположной географической стороны, с северо-запада Индии, делается ставка на **Пакистан**, который китайские лидеры рассчитывают вновь

сравнить с Индией, используя их давнишний спор о Кашмире. Еще летом и осенью 1965 г. Китаем было сделано все, чтобы разжечь вооруженный конфликт между Пакистаном и Индией. Пакистанским руководителям была обещана «любая помощь» и в «любое время», их заверяли в «вечной дружбе». Наблюдатели в Индии прямо говорят о том, что КНР и Пакистан втайне сговорились превратить холодную войну против Индии в горячую, что Пекин хочет вооружить Пакистан в ущерб Индии. Его стратегия, считают они, совершенно очевидна. Он хочет завлечь субконтинент в раздоры и насилие, чтобы навязать свою философию отчаявшимся миллионам людей в странах этого региона.

После подписания соглашения между Пакистаном и Индией в 1974 году Китай начал пытаться затруднить его осуществление. Это происходит до сих пор.

Закулисная сторона всех этих интриг ясна. В Пекине разработан план будущего нападения на Индию через Пакистан. Это подтверждается открытием в 1978 г. 800-километровой Каракорумской автодороги, соединившей Китай через Синьцзян с Пакистаном. Дорога была проложена китайскими и пакистанскими военными строителями, причем часть ее проходит по оккупированным Пакистаном в свое время районам Джамму и Кашмир.

Выступая в июле 1978 г. в индийском парламенте, министр обороны Индии заявил, что сооружение Каракорумской дороги у индийской границы «создало новую обстановку в Южной Азии» и в случае использования дороги в военных целях приведет к «очень критической ситуации». Такие слова даром не бросаются. Министр добавил, что Индия не отказывается от 23 тыс. кв. км, оккупированных Китаем, стремится решить этот вопрос мирным путем, но ни на какой компромисс в ущерб своим национальным интересам и безопасности Индия не пойдет.

Несомненно, что постройка Каракорумской дороги укрепляет китайские позиции и в самом Пакистане. Достаточно взглянуть на карту. Столица Индии расположена всего в 400 км от китайской границы и на том же расстоянии от пакистанской. Все это опять-таки звенья одной цепи.

Можно упомянуть, что делались попытки протянуть эту цепь даже с юга, со стороны Индийского океана. В начале 70-х годов Китай пробовал «заарендовать» портовые сооружения в Тринкомали на острове **Шри Ланка**. Цель — построить там базу для запуска баллистических ракет в сторону Индии и Юго-Восточной Азии. Намерения маоистов в Шри Ланке были настолько циничны, что в ноябре 1974 г. лидеры промаоистской группировки на острове А. Джаясурия и С. Ранасингхе были вынуждены выступить с заявлением, в котором говорилось: «Мы решительно порвали с маоизмом».

В настоящее время Пекин на неприкрытые провокации против Индии не решается, выжидая более удобного часа. Порой он даже пытается кокетничать с Индией. Такова его обычная тактика: приласкать, прежде чем напасть. Но, несмотря на все маневры, антииндийский раздел китайского великоимперского плана остается в силе.

Глядим дальше на запад. До недавнего времени могло показаться, что продвижение Китая в сторону **Ближнего и Среднего Востока** намечено пока только в черновике. Многие говорили за то, что даже самые отчаянные политики в Пекине едва ли рассчитывают на глубокую экспансию в этом направлении до, хотя бы частичного, осуществления их планов в Юго-Восточной Азии. Между тем это не так. Лето 1978 г. подтвердило, что какие-то нити из столицы КНР протягиваются сейчас уже и сюда.

Первым свидетельством этому была активность экстремистских групп, выраставших здесь за

последние два десятилетия в разных странах как грибы из земли. Другое, еще более убедительное свидетельство — готовность маоистов выступать, когда им это требуется, под «промусульманским» и «проарабским» флагом. Во флагах для своих имперских проектов недостатка у них нет. Не случайно Мао Цзэдун как-то сказал о пророке Магомете: «Он покорил мир, держа коран в левой руке и саблю в правой». Что именно держать в левой руке, «китаизированный» марксизм или паназиатизм или даже ислам, это китайских милитаристов беспокоит меньше всего. Подтверждением могут служить их нынешние операции в арабских странах.

Многие из тех, кто еще недавно со слов маоистов толковал о горячей поддержке ими национально-освободительных и прогрессивных сил на Арабском Востоке, теперь не верят своим глазам. Выясняется, что Китай сближается здесь прежде всего с теми, кто стоит на правом и даже на крайне правом фланге.

В Египте он за президента Садата, расколовшего единый фронт арабских государств. Это в августе 1978 г. публично подтвердил один из ливийских руководителей А. Желлуд, выразив надежду, что Пекин пересмотрит свое отношение к Садату. В противоположном районе Ближнего Востока, у берегов Аравийского моря, где оманские партизаны еще недавно рассчитывали на помощь со стороны Китая, он летом 1978 г. заключает сделку с султаном Кабусом, одним из самых реакционных арабских правителей.

Мало того, уже идут разговоры о том, что дело может дойти до сближения КНР с Саудовской Аравией — твердыней реакции на Арабском Востоке. В соседнем прогрессивном государстве Народной Демократической Республике Йемен летом 1978 г. обнаруживается, что Китай вместе с западными кру-

гами стоял за спиной С. Рубеяя Али, готовившего контрреволюционный переворот.

Помогает ли Китай по крайней мере национально-освободительному движению палестинских арабов? На словах да, на деле нет. Верно, что он поддерживает одну из палестинских группировок, причем далеко не прогрессивную. Но верно и то, что он всячески пытался завербовать палестинцев на службу своим собственным интересам. Как верно и третье, что на деле он способствует расколу арабских сил.

Так, например, 21 сентября 1978 года «Жэньминь жибао» заявила, что египетский народ «поддерживает усилия Садата в интересах мира на Ближнем Востоке».

«Китай, — писала еще в 1975 г. ливанская газета «Орьянжур», — последовательно наносит удары по действующим в арабском мире революционным движениям». Почему он так поступает? Видимо, потому, что его интересуют не столько арабы, сколько стратегические позиции у Персидского залива, а тем самым в западной части Индийского океана и что для захвата этих позиций — и, быть может, арабской нефти в придачу — он готов в любой момент принести арабов в жертву.

Какое отношение имеют султаны, саудовские феодалы и египетские политиканы к китайцам? Казалось бы, никакого. Даже богдыханы никогда не залезали в Азии так далеко на запад, даже Чингисхан, которого пекинская пропаганда ныне величает строителем китайской империи, не смел продвигать свои орды на Арабский Восток. Арабы достаточно натерпелись в своей истории от сельджуков и османов, потом от английских и других империалистов, к тому же — от своих собственных феодалов. Сейчас они вступили в эру решительной борьбы за свое национальное и социальное возро-

ждение. В их ли интересах быть замешанными в стратегическую игру Китая в Азии?

То, что эта игра ведется им здесь именно со своекорыстными целями, подтверждается политикой КНР по отношению к трем соседним с Арабским Востоком государствам: Турции, Ирану и Афганистану. Здесь до недавнего времени оперировали главным образом западные империалистические державы и организованный ими блок СЕНТО. Теперь на сцене внезапно и с немалым грохотом появляется Китай. Что ему тут нужно?

Турция — страна, включенная в НАТО и рассматриваемая натовскими генералами как плацдарм для нападения на СССР с «южного фронта». В 1978 г. выясняется, что Китай и здесь идет в ногу с реакционными силами. Находящиеся под их влиянием экстремистские студенческие группы в Анкаре, Измире, Стамбуле и Газиантепе устраивают уличные беспорядки совместно с правыми организациями. В июне того же года китайский министр иностранных дел Хуан Хуа является в Анкару и, судя по газетным сообщениям, пытается убедить турецкое правительство, что СССР представляет собой «большую опасность» для этой страны, а следовательно, оно должно сблизиться с КНР. Становится ясно, что Пекин на этот раз заинтересован в стратегических позициях у южного побережья Черного моря.

То же относится к позициям соседнего государства **Иран** на юге у Каспийского моря. В Тегеране в том же году появляется сам Хуа Гофэн и проводит переговоры с иранским правительством. Содержание бесед остается неизвестным. В некоторых сообщениях, однако, упоминается, что одной из тем в этих переговорах был **Афганистан** — молодое демократическое государство по соседству с Ира-

ном, Пакистаном, Индией и Советской Средней Азией.

Вскоре становится известно, что контрреволюционным группам в Афганистане, опирающимся на правоэкстремистскую организацию «Братья мусульмане» и отдельные группы афганского шиитского духовенства, оказывается поддержка из-за рубежа. Когда летом 1978 г. афганские власти ликвидируют несколько переброшенных из-за границы диверсионных террористических групп, выясняется, что часть захваченного у заговорщиков оружия — китайского происхождения. В 1979 году устанавливается, что некоторые из этих групп готовятся в Китае и что Пекин инструктирует и подстрекает на враждебные выступления различные подрывные, прежде всего маоистские, элементы внутри самого Афганистана. В то же время предпринимаются попытки помешать мирным отношениям Пакистана и Ирана с Афганистаном.

Когда-то внедриться на Средний Восток, преследуя империалистические цели, стремились Англия и Германия. После второй мировой войны, в ту же игру, привлекаясь запахом нефти и военными позициями вблизи СССР, вмешались Соединенные Штаты. Теперь в ней ясно и особенно активно участвует Китай, преследуя свои собственные имперские интересы. Играть важную роль в этом районе он пока не в состоянии. Инициатива в лагере антинародных сил здесь по-прежнему в руках американских империалистов и их союзников, главное внимание Китая к тому же обращено на Юго-Восточную Азию.

Тем не менее, можно не сомневаться, что Ближний и Средний Восток в долгосрочном порядке также вписаны в сферу влияния задуманной маоистами азиатской сверхдержавы. Их цель на данном участке — закрепить в западной части Индийского океана и подобраться поближе к южным гра-

ницам Советского Союза, поддерживающего дружественные отношения с Вьетнамом и Индией.

Вот почему китайские горячие точки возникают теперь не только в Юго-Восточной Азии и вокруг Индии, но и на Ближнем и Среднем Востоке. Есть основания полагать, что Китай уже играет здесь в четыре руки с Соединенными Штатами.

Глава четвертая

От Индийского океана до Берингова моря

Планы пекинских стратегов в направлении на юг и в направлении на запад от Китая достаточно фантастичны. Но до предела авантюризма их намерения доходят, когда дело касается третьего избранного ими направления — на север.

Здесь они бросают самый зловеющий вызов истории. Острие китайской политики направлено тут непосредственно против Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

Нет никаких сомнений, что для Пекина речь идет отнюдь не только о пограничных вопросах. Как уже упоминалось, в 1964 году, беседуя с японскими политическими деятелями и заявив, что Хабаровск, Владивосток и Камчатка стали территорией России «всего сто лет назад», Мао Цзэдун сказал: «Мы еще не предъявили счета по этому реестру». Надо посмотреть на карту, чтобы понять, что, собственно, значат эти слова. Смысл их в том, что в Китае хотели бы аннексировать не только Советский Дальний Восток у берегов Японского моря с его двумя главными центрами, но и прорваться много дальше на север через Сибирь вплоть до Берингова моря!

Такова еще одна часть китайского плана перекройки Азии.

Стоит вспомнить: не так давно именно о том же

мечтали японские милитаристы. Но здесь маоисты идут и по следам старых китайских захватчиков. В изданной на Тайване в 1973 г. книге чанкайшиста Чжан Яньцзяня утверждалось, что слово «Сибирь» происходит от «сяньби» — название древнейших аборигенов Китая, «распространившихся в каменном веке в бассейне Енисея». Другими словами, права Китая на Сибирь датируют еще каменным веком!

Учтя это, можно ли удивляться возмущению советских людей маоистской политикой? Таковы намерения тех, к кому в СССР всегда относились как к друзьям, ничего для них не жалея.

Ведь именно Советский Союз, разгромив в августе 1945 г. отборную миллионную Квантунскую армию Японии в Маньчжурии и Корее, полностью изгнав японских оккупантов, дал возможность Китаю стать на ноги. Об этом есть точные данные, не оспариваемые китайцами. Маньчжурия стала плацдармом революционных сил Китая, и советское командование передало тогда китайским коммунистам все трофейное оружие Квантунской армии: 3 700 орудий и минометов, 600 танков, 860 самолетов, 12 тысяч пулеметов, все военные корабли японской Сунгарийской флотилии, 680 различных военных складов.

Мало того, советские специалисты в то же время помогли сформировать и обучить 800-тысячную китайскую армию, ту ударную силу, которая и сыграла решающую роль в последовавшем разгроме контрреволюционных войск в Китае.

Один китайский деятель сказал позднее: «...Если бы не существовало Советского Союза, если бы японский империализм не был разгромлен, разве могли бы мы победить при таких обстоятельствах? Конечно, нет!»

Чьи эти слова? Мао Цзэдуна.

И дело не ограничилось военной помощью. Советский Союз помог КНР после войны наладить экономическую жизнь в стране, где все находилось в беспорядке. Предоставив Китаю льготные кредиты на общую сумму около двух миллиардов рублей, СССР оказал ему помощь в строительстве 256 крупных промышленных предприятий, составляющих теперь костяк китайской индустрии. Так возникали в Китае новые заводы, железнодорожные магистрали и мосты, линии связи, так было налажено производство тракторов, автомобилей, турбин, самолетов.

Китаю были безвозмездно переданы 24 тысячи комплектов научно-технической документации, в том числе проекты 1 400 крупных предприятий. По подсчетам иностранных экспертов, на мировом рынке эта документация обошлась бы во много миллиардов долларов. Свыше 10 тысяч советских специалистов в 1950—1960 гг. побывали в КНР для передачи своего опыта. В Советском Союзе получили подготовку 20 тысяч китайских рабочих, инженеров, научных работников. «Помощь Советского Союза экономическому строительству нашей страны, — писала в 1959 г. главная маоистская газета «Жэньминь жибао», — по своим масштабам не имеет прецедента в истории». Так оно и было.

В Китае сейчас обо всем этом как бы забыли. Делается вид, как будто такого вообще не было, и Советский Союз называют исконным врагом Китая. А между тем о гигантской военной, политической и экономической помощи со стороны СССР знал — и не мог не знать каждый китаец. Что было бы с Китаем без этой помощи, сказать трудно. Ни один политический наблюдатель и ни один историк не может быть уверенным в том, что КНР в этом случае действительно стала бы на ноги.

Как могли люди, называющие себя борцами за

социализм, забыть обо всем и превратиться в фанатичных врагов Советского Союза, преследующих его и все содружество социалистических стран с какой-то бешеной, можно сказать, патологической ненавистью?

Вот что много лет назад один из основателей и руководителей китайской компартии Ли Дачжао, в 1927 г. убитый реакционерами, сказал советскому военному советнику С. Н. Наумову, когда Наумов обратил его внимание на висевшую в доме китайского маршала Фэн Юйсяна так называемую «Карту позора Китая». На этой карте в числе будто бы захваченных у Китая территорий фигурировал Советский Дальний Восток. Ли Дачжао сказал, и Наумов это записал: «Не забывают, что в Китае может настать такое время, когда появятся не только люди типа маршала Фэн Юйсяна, но и люди с коммунистическим партийным билетом, настроенные так же, как он...»

Ли Дачжао был прав. Такое время пришло и такие люди появились. И Мао Цзэдун, и нынешние руководители Китая — лица, для которых марксизм только тончайшая внешняя оболочка неистового шовинизма. Известно, что Мао Цзэдун и его единомышленники даже в годы второй мировой войны, когда Советский Союз своей кровью отстаивал идеалы и дело социализма, говорили о «неизбежности поражения Советского Союза», об «ошибочности стратегии Советского Союза» и т.д. Брать помощь у СССР можно, отвечать ему хотя бы простым пониманием и солидарностью нельзя.

Возникает вопрос: как же эти люди все-таки думают отхватить у СССР такие огромные территории в Азии?

Не идет ли речь только о словах?

Нет. С целью осуществления великоимперского плана в северном направлении проводится спе-

циальная, вполне конкретная политика. В Пекине уже много лет не жалеют усилий, чтобы как-нибудь втравить Советский Союз в войну с Западом. Сначала это делалось путем прямого нажима на СССР.

Перелистываем страницы недавней истории. Вспомним о том, что происходило на глазах живущего поколения.

1957 год. В СССР запускается первый в истории космический спутник. В те же дни Мао Цзэдун предлагает прервать мирное социалистическое строительство и испробовать силу. На международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве он пытается доказать, что это будет выигрышем для социализма и что останавливаться перед угрозой истребления половины человечества в новой мировой войне не нужно: за полвека или век после такой войны, говорит он, «население опять вырастет даже больше чем наполовину».

1958 год. Китайское правительство отдает своей армии приказ организовать «карательную экспедицию» в Тайваньском проливе и начать массированный обстрел прибрежных островов Мацзудао и Цзиньшэньдао, оккупированных войсками Чан Кай-ши. Вопреки общим принципам взаимоотношений между социалистическими странами, приказ из Пекина отдается без консультации с ними. Американское командование немедленно усиливает группировку своих вооруженных сил в этом районе и приводит их в боевую готовность. Как выясняется позднее, решаясь на эту операцию, маоистские руководители считаются с возможностью возникновения «локальной войны» с применением атомного оружия, так чтобы на каком-то этапе в нее оказался вовлеченным Советский Союз.

1959 год. Маоисты доводят свой конфликт с Индией до прямого вооруженного столкновения в районе Гималаев. Расчет строится на том, чтобы

тогдашнее индийское правительство обратилось за военной помощью к США, а Китай был бы поддержан Советским Союзом.

1960 год. Новое совещание коммунистических и рабочих партий в Москве. Китайский представитель выступает с речью, в которой требует: отказаться от политики мирного сосуществования, заменить ее политикой балансирования «на грани войны» и дать «решительный» бой империализму. В то же время социалистические страны призываются к тому, чтобы укрепить военно-стратегический потенциал Китая.

1962 год. Карибский кризис, вызванный агрессивными замыслами США против Кубы. Завтра кризис может перерасти в вооруженный мировой конфликт. В этот момент Пекин возобновляет и расширяет военные операции против Индии. Возникает угроза серьезной войны и в этом районе. Расчет снова строится на том, что СССР откажется от мирного сосуществования и будет так или иначе втянут в схватку с США.

Пропускаем три года. 1965 год. Война Вьетнама с американскими интервентами разгорается. Советский Союз делает все, чтобы помочь вьетнамцам снаряжением. Китайские руководители, как уже упоминалось, делают все, чтобы воспрепятствовать провозу военных грузов из социалистических стран во Вьетнам через свою территорию. Расчет: заставить СССР посылать эти грузы морским путем, чтобы столкнуть советские суда с крейсирующим у берегов Вьетнама 7-м американским флотом. Тогда же предпринимаются новые попытки разжечь большую войну в Южной Азии и как-нибудь вовлечь в нее Советский Союз.

Мы привели шесть конкретных фактов. Можно было бы привести и больше. Каждый из них вписан в историю.

Зачем все это делалось? Почему маоисты так упорно стремились втравить Европу и Америку в войну на самоуничтожение?

Далеко ходить за ответом не приходится. Они делали все это прежде всего для того, чтобы **развязать себе руки в Азии**. В маоистском штабе считалось и считается, что в случае третьей мировой войны, в которой сам Китай остался бы в стороне, он смог бы без помех захватить другие азиатские страны, завершив тем самым создание своей империи на материке.

В этом весь расчет и состоит. В 1965 г. Мао Цзэдун, беседуя со своим старым знакомым журналистом Эдгаром Сноу, сказал: «Другие народы могут быть полностью уничтожены в результате атомной войны, но в Китае останется несколько сот миллионов, которые смогут начать с нуля». Ноль в данном случае означал Азию.

Еще точнее разъяснил маоистский план двумя годами раньше обозреватель итальянского журнала «Эпока» А. Гуэрриеро. Он подчеркнул, что в случае атомного конфликта воюющие стороны стремились бы взаимно уничтожить друг друга, тогда как «китайцы оставались бы в стороне. В конце концов Китай... стал бы властелином превратившегося в развалины мира».

Иначе говоря, конечная цель маоистов — господство над миром. Но до этого — захват Азии, чтобы с ее ресурсами обрушиться на страны в других частях света.

Мао Цзэдун и его приближенные в националистической группировке китайской компартии, в том числе нынешние лидеры КНР, знали с самого начала, что Советский Союз не станет помогать им в создании азиатской империи. Это еще один важный повод для их вражды к СССР. Отсюда третье направление в их стратегии — экспансия на север.

И отсюда их нынешние непрестанные попытки побудить западные державы готовиться к войне с СССР и содружеством социалистических стран. В 50-х и 60-х годах Советский Союз толкали на разрыв с Западом. Теперь Запад толкают на разрыв с Советским Союзом. Но суть та же. Цель одна.

Как ныне действует Китай на мировой арене, широко известно. Не проходит и дня без того, чтобы пекинские руководители не пытались осложнить международную обстановку. Китай за создание антисоветского блока США, Западной Европы, Японии и КНР. Китай против разрядки и за дальнейший рост вооружений. Китай фактически против запрещения атомной бомбы и за нейтронную бомбу. Китай за обострение напряженности в Юго-Восточной Азии, Китай за подкоп против социализма на Балканском полуострове. Так все время.

В октябре 1977 г. заместитель премьера КНР Дэн Сяопин заявляет, что настал час для объединения всего мира против «главного врага» — СССР. При этом он предлагает подготовиться не только «в плане военной техники, но и в идеологическом плане» и помимо того организовать торговую и экономическую блокаду Советского Союза. Этого в капиталистическом мире не предлагали уже полвека. В январе 1978 г. сам Хуа Гофэн публично называет СССР «главным врагом» и призывает вести борьбу против него «до конца». До какого?

Только за два месяца 1978 г. «Жэньминь жибао» публикует более сотни антисоветских статей. Создание нового «санитарного кордона» вокруг СССР объявляется важнейшей задачей современности. Даже страны АСЕАН в Юго-Восточной Азии — Индонезия, Таиланд, Малайзия, Филиппины, Сингапур — приглашаются к вхождению в «единый фронт», хотя отношения СССР с этими странами вполне нормальны. Стоит добавить, что антисовет-

ский дух присутствует в самой конституции КНР, принятой в 1975 г.

Так ведется подготовка к осуществлению плана прорыва Китая в северном направлении. Сюда же относится и намерение захватить Монгольскую Народную Республику.

Китай не скрывает, что считает МНР своей вотчиной. Ни малейших оснований для его притязаний нет. МНР такая же самостоятельная, независимая страна, как сам Китай. Она существовала задолго до того, как возникла КНР. Но Мао Цзэдун еще в 1936 г. в беседе с Эдгаром Сноу заявил, что с победой китайской революции МНР автоматически примкнет к Китаю.

В 1949 г., когда в Китае с помощью СССР победила народная власть, маоисты действительно попытались аннексировать МНР, причем вели эту игру за спиной монгольского народа, без ведома его правительства. Еще пять лет спустя китайские лидеры предложили находившейся тогда в Пекине советской делегации «договориться» о присоединении МНР к КНР, причем опять-таки через голову самих монголов. В 1964 г. Мао Цзэдун еще раз выдвинул это требование в беседе с делегацией японских социалистов. Было ясно, что Монголия для него что-то вроде вассальной страны Китая, с которой можно делать что хочешь.

Еще раньше на территории МНР начались систематические провокации, совершаемые — точно так же, как в странах Юго-Восточной Азии, — китайцами, проживающими и работающими в Монголии. С 1962 по 1978 г. было совершено около 500 таких провокаций и нарушений общественного порядка. Чтобы создать в стране экономические затруднения, китайские строители, работавшие в МНР на основе соглашений с КНР, были отозваны. На монгольско-китайской границе стали сосредоточивать

огромное количество китайских войск. Солдаты НОАК порой углублялись на 15—20 километров на монгольскую территорию, производя разведывательные съемки, открывая огонь по пасущимся стадам скота.

План покорения МНР путем шантажа, угроз и саботажа потерпел неудачу. Советский Союз — старый и верный друг монголов, и маоисты это знают. Еще в 1939 г., когда японские войска ворвались в МНР в районе Халхин-Гола, советские войска вместе с монгольской армией нанесли им сокрушительное поражение. Пытаться захватить МНР силой Китай, разумеется, не смеет.

Но пример с Монголией настолько важен, что стоит сказать о нем особо. Автор в декабре 1978 года посетил эту страну и рассказывает о своих впечатлениях — в частности о том, что произошло в принадлежащей Китаю Внутренней Монголии, — в следующей главе.

Глава пятая

Пример Монголии (Из дневника)

...Улан-Батор — один из самых примечательных городов современной Азии. Не так давно здесь была резиденция хутухты, божественного верховного ламы, вечно рождавшегося в новых воплощениях. Городом назывался большой буддийский монастырь, к которому стекались паломники и вокруг которого толкались торговцы. Теперь это столица Монгольской Народной Республики — государства на той же земле, откуда когда-то начал свой поход за завоевание мира Чингисхан.

В недалеком прошлом — власть «живого бога», 40 процентов всех мужчин в стране — монахи, обреченные на пустую, бездеятельную жизнь в ожидании «переселения» своих душ в какие-то другие существа, неизвестно в какие. Теперь — крепкое, полное энергии социалистическое государство, перестраивающее у себя все до основания. Стремительности и дерзновению истории в наше время не перестаешь удивляться.

Как происходит революционный (исторический) переворот на центральноазиатской земле, между горными хребтами Алтая, Саян, Большого Хингана и пустыней Гоби? С чего начать?

У каждого свое. Можно рассказывать о текущих внутренних проблемах МНР, об ее экономических

успехах, о том, что сегодня стоит на очереди у строителей ее культуры. Материала хватило бы на книгу.

Но автор этих строк прежде всего историк и международник. Бродя по Улан-Батору, я думаю о будущем и прошлом людей, живущих на этом огромном плоскогорье, почти в полтора раза превышающем по площади Францию, Англию и ФРГ, вместе взятые.

И постепенно передо мною раскрывается картина необычной для европейского ума судьбы прошедшего через огонь и воду, находившегося на грани вымирания азиатского народа.

Дорога от «кочевой империи» монгольских ханов до МНР потребовала сначала семь нескончаемых мертвящих столетий, а затем, с 1919 года, как будто внезапно — три пронесшихся как ураган года.

На протяжении первых семи столетий, от XIII до XX века, несколько социально-политических сил пытались одна за другой решать судьбы монголов: местные феодалы сообща со своими шаманами и ламами, маньчжурские богдыханы вместе с теми же ламами и феодалами и китайская буржуазия. Каждая из этих попыток завершилась бедствиями для населения, ни одна не повела к разрешению основной национальной проблемы монгольского народа.

Тени над страной все время сгущались. К концу прошлого века даже дружелюбно настроенные наблюдатели уже прямо ставили вопрос: не идет ли дело вообще к исчезновению монголов с лица Азии? Жить им или не жить?

Казалось, нация, когда-то гремевшая на мировой арене как никакая другая, неуклонно шла к своему концу. Так считали специалисты на Западе, но это

мнение разделяли и путешествовавшие исследователи царской России.

Что происходило за эти столетия?

...XIII—XVII века. В стране властвуют наследники Чингисхана — дикие, свирепые кочевые князья, не умеющие читать и писать, но зато владеющие лучшими пастбищами, огромными табунами лошадей и быстроходными отрядами вооруженных всадников. Их слово — закон, другого в стране нет. От них же зависит перекочевка с места на место, то есть само существование кочевников.

Подавляющее большинство населения в это время занято скотоводством на самом низком уровне. Но две пятых мужчин, ставшие с XVI—XVII веков ламами, священнослужителями северной ветви буддизма, не занимаются никаким производительным трудом и даже не вправе иметь жен и детей. Каждая семья отдает в монастырь хотя бы одного из двух сыновей. Дело лам — поддерживать веру во всемогущество князей и неверие (как этого требует Будда) в возможность счастья на земле. Возможны только страдания.

Людей учат бояться чертей, бродящих по ночам и сбивающих путников с дороги, верить в крылатых драконов, в святость одетых в красно-желтые одеяния лам, способных остановить или ускорить движение небесных светил, даже привязать солнце, чтобы остановить время. Копать землю для выращивания плодов считается крайне опасным: может произойти повальный падеж скота.

Монастыри — их в стране сотни и раньше они тоже кочевали — тем временем занимаются торговлей и накапливают большие богатства.

Время идет, ничего как будто не меняется. Похоже на то, что средневековые здесь никогда не кончатся, будет длиться миллионы лет. Ламы держат солнце на привязи.

Существует ли возможность по-настоящему мыслить хотя бы для них самих — своего рода местной интеллигенции? Почти никакой.

Будущих лам забирают у семьи и помещают в монастырь в возрасте 7—8 лет. Зубрежка для тех, кто проходит высшую школу богословия, длится 35 лет. Таких лам заставляют заучивать наизусть пять священных книг, 750 страниц в каждой. Пределом — правда, физически недостижимым — считается такое же заучивание на память двух трактатов, состоящих из 318 томов, 700 страниц в каждом.

Но средний лама читать и писать по-монгольски обычно не может, он знает только тибетскую грамоту. Никакой национальной культуры правящий класс не имеет и не признает. Думать самому нельзя.

Так проходят века, один копия другого. В то время, когда не только Европа, но и многие азиатские народы все быстрее движутся вперед, Монголия с закрытыми глазами топчется на месте. Так ей будто бы и положено.

Наследники Чингисхана доказывают, что не могут вывести нацию из тупика, оживить страну, приобщить ее к мировой культуре. К концу XVII века становится ясно, что за время своего господства они только измучили и истощили свой народ. Растратив почти все, что приобрел за рубежом для их класса Чингисхан, они даже разучились воевать. Теперь они не способны защитить независимость своей страны.

Их преемники, нагрянувшие с северо-востока Китая маньчжурские феодалы, без особого труда перехватывают страну из их рук и начинают хозяйничать сами, оставаясь тут более 200 лет: вплоть до 1911 года, когда в Китае происходит революция. Самостоятельной Монголии уже нет, есть только огромная вотчина «срединного царства».

По сути же дела ничего не меняется. Если же меняется, то к худшему.

Основной закон жизни в стране под властью Китая остается тот же: пребывание в духовной неподвижности.

Только не думать о новом, не стремиться вперед; перебирая четки, стоять на месте. Человеку твердят: лучше тебе станет только после бесчисленных переселений твоей души, может быть, через тысячи и тысячи столетий, когда она достигнет небытия в нирване.

Монгольские князья и ханы находятся теперь под покровительством китайских наместников и чиновников. Лам оставляют в покое. В стране поселяются тысячи китайских купцов и ростовщиков, методически, с большим искусством обирающих население, выжимающих за ссуды, требуемые для уплаты налогов, от 36 до 100 процентов. Монголы даже переводят слово «китаец» словом «найма-хун», то есть торговый человек.

Беспомощные скотоводы попадают в нескончаемую долговую кабалу. Верховные ламы становятся участниками в делах китайских торговцев и даже прямыми пайщиками в их фирмах. Взамен они учат людей безоговорочной покорности китайским властям.

Весь этот правящий класс живет в нищей стране на широкую ногу, занимаясь не в последнюю очередь тем, что обжирается — в буквальном смысле слова. Побывавший во Внешней Монголии уже накануне падения китайской власти русский путешественник, впоследствии советский дипломат И. М. Майский так описывает обед, устроенный в городе одной китайской фирмой:

«...Обед состоял из 62 блюд! Я отнюдь не преувеличиваю, я нарочно считал все подаваемые блюда. И чего-чего только тут не было. Обед

начался в 12 часов дня и продолжался до 7 часов вечера, и все это время сидевшие за столом китайцы ели, пили и снова ели, смакуя каждое блюдо и самым оживленным образом обсуждая его достоинства и недостатки. При этом обнаружилось, что многие из присутствующих обладают колоссальными познаниями в гастрономии».

Феодалы и торговцы переедают. Тем временем коренное монгольское население продолжает умирать. Пекинские богдыханы не шевелят и пальцем, чтобы остановить убыстряющееся разорение страны. Основная национальная проблема — как выйти из средневекового тупика, по-настоящему стать на ноги — остается по-прежнему как будто неразрешимой.

По данным советской исследовательницы Л. М. Гатаулиной, в начале текущего века феодалы в Монголии, составлявшие 7,8 процента населения, владели 49,5 процента общего поголовья скота. Бедняки-скотоводы содержали князей, пасли их стада, несли многочисленные тяжелые повинности.

Вся экономика страны продолжала строиться на кочевом экстенсивном скотоводстве. Пищу, одежду, топливо, войлок для юрт, средства передвижения — все давали домашние животные. Не было ни одного промышленного предприятия, ни одной больницы, ни одного ветеринара.

Столица Урга (нынешний Улан-Батор) была, по существу, большим монастырем. Остальные города также представляли собой монастыри или укрепленные крепости, созданные еще маньчжурско-китайскими завоевателями.

Не было своей валюты. Жалованье чиновникам выплачивалось рубленным серебром и кирпичным чаем. В стране была одна школа, но более 700 монастырей, 100 тысяч лам. Под страхом пыток лама-

истская церковь запрещала монголам возделывать землю, добывать полезные ископаемые, заготавливать корм для скота, строить дома вместо юрт.

Это было настоящее глубокое средневековое, поглубже, чем когда-либо в Европе, без малейшего просвета для людей. Только в Тибете в то время имело место нечто подобное.

Что предстояло монголам в будущем?

Все путешественники и исследователи тогда сходились на том, что будущего у них нет. Н. М. Пржевальский писал еще в 1883 году, что монголы так и останутся кочевниками на долгие времена, «пока, наконец, роковой ход событий не приведет их к окончательной гибели подобно тому, как гибнут на наших глазах туземцы Америки и Австралии». Оказалось, однако, что есть и не роковой путь.

Другой известный русский исследователь П. К. Козлов отмечал: «Народонаселение Монголии вообще не увеличивается, скорее уменьшается». Английский путешественник Д. Каррузерс в своей книге «Неведомая Монголия» пространно рассуждал об «упадке монголоидной расы». И. М. Майский, посетивший страну за два года перед падением китайской власти, писал:

«Накануне переворота 1911—1912 годов Автономная Монголия представляла собой окраинную провинцию громадной разлагающейся империи (Китай. — Э. Г.) — захолустную, отсталую, год от года беднеющую... Казалось, жизненная энергия страны истощалась, она чувствовала приближение собственной смерти и с тупым равнодушием ждала рокового часа...»

Выходит, предстояло действительно одно: вымирание. Даже ученые-знатоки не сомневались; что измученные своими и китайскими феодалами мон-

голы уже в ближайшее время окончательно сойдут со сцены.

Но история, у которой всегда нужные карты в запасе и которая оптимистична по самому своему существу, решила и здесь по-своему.

1921 год. Все в Монголии как будто внезапно приходит в стремительное, никогда прежде не виданное движение. Вокруг пастбищ и монастырей бушует ураган.

Хотя во Внешнюю Монголию вводятся новые китайские воинские части, хотя в Урге по ночам обходят улицы китайские патрули, режим рушится, как карточный домик. У власти Монгольская народная партия (впоследствии Монгольская народно-революционная партия) во главе с сыном арата Сухэ-Батором.

Мысль Ленина, который беседует с ним в Москве в ноябре 1921 года, доносится до центрально-азиатских степей и за время жизни одного поколения делает для монголов то, что не могло быть сделано в течение семи столетий.

Жить или не жить? «Тысячу раз — жить!» — говорит очнувшийся от феодального сна народ. Социализм и дружба с Советской Россией делают это для него возможным. Начинается переход от феодализма к новому обществу, минуя капиталистический путь развития.

Здесь это не тот фальшивый «большой скачок» из пустого в порожнее, о котором в 50-х годах трубили на весь мир маоисты. В Монголии происходит действительный, экономически и политически оправданный убыстренный переход от низшей к более высокой стадии развития. Монголы доказывают, что достичь этого при условии проведения правильной политики может и «страна пастухов».

Но все это касается Внешней Монголии, нынешней Монгольской Народной Республики. Располо-

женную к югу от нее Внутреннюю Монголию, оставшуюся тогда под властью старого Китая, социальный переворот не коснулся.

Что же сделали с этой территорией маоисты, когда пришли здесь к власти в 1947 году?

Как они разрешили проблему монгольской национальности в своей стране?

Монголы издавна живут не только в МНР, но и в Китае, в ныне так называемом «автономном районе Внутренняя Монголия». Размером эта территория меньше МНР, но ее площадь все же превосходит площадь Испании, Италии, Швеции и Дании, вместе взятых. А население?

По последним данным, во Внутренней Монголии проживает около 11 миллионов человек. Монголов же среди них — лишь 400 тысяч, то есть одна двадцать седьмая часть. В 1947 году, когда автономный район был основан, их и происходивших от монголов лиц было два с половиной миллиона. Куда девались два миллиона?

Что произошло в принадлежащей Китаю Внутренней Монголии за последние три десятилетия, со времени прихода к власти в Пекине маоистов?

Когда в 1927—1948 годах Китаем правила контрреволюционная гоминьдановская буржуазия, все было просто. Ее глава Чан Кайши сознательно продолжал вековую политику китайских императоров, направленную на полное закабаление монгольских скотоводов китайцами — избранной, «высшей» расой. По существу, если не по форме, все оставалось, как было в «срединном царстве».

Чанкайшисты даже рассчитывали при случае с помощью империалистов захватить МНР. С этой целью они и после второй мировой войны всячески пытались воспрепятствовать приему республики в ООН, утверждая, что она — часть Китая. А в 1927 году, в самом начале своего правления, Чан

Кайши казнил двух руководителей Народно-революционной партии Внутренней Монголии, ушедшей после этого в подполье.

Когда в 1949 году была основана КНР, в Пекине утверждали, что коренная проблема монгольского народа — проблема как выжить, сохранив свое национальное лицо, — будет раз и навсегда решена и здесь, во Внутренней Монголии. Это как будто означало, что возрождение монгольской нации в составе социалистического Китая произойдет так же естественно и неизбежно, как в соседней МНР. Гарантией этому должна была служить завещанная еще Лениным политика коммунистов по национальному вопросу.

Но не тут-то было.

Все началось с самого настоящего и преднамеренного обмана.

Еще значительно раньше, в декабре 1935 года, действовавшее на севере Китая руководство КПК торжественно заявило о своем признании права народа Внутренней Монголии самому решать свои дела, образовывать собственное правительство и развивать отношения с другими национальностями.

Когда 10 лет спустя советские войска разгромили японскую Квантунскую армию, освободив северо-восток Китая, монголы восточных районов Внутренней Монголии на съезде в монастыре Гэгэн-сумэ создали свое автономное правительство, поручив ему осуществить широкую программу социального и национального обновления.

Оказалось, однако, что кто-то сказал «нет!». Это был Мао Цзэдун. По его приказу решения в Гэгэн-сумэ были сочтены недействительными. Но это было только начало.

Все стало ясно в 60-х годах. Во Внутренней Монголии стала осуществляться целая детально разра-

ботанная программа, сознательно направленная на ликвидацию самой монгольской нации. Занимались этим делом в Пекине так, как будто речь шла о срочной военной операции.

Монголам были нанесены четыре удара: по простому населению, по партийным и государственным кадрам во Внутренней Монголии, по национальной культуре и, наконец, по экономике этого народа.

В годы «культурной революции» прежде всего была разгромлена вся административно-политическая структура «автономного района». Из семи его прежних аймаков (округов) пять были отторгнуты от него и присоединены к другим районам Китая. Тем самым Внутренняя Монголия одним махом потеряла значительную часть своей территории и своего населения.

В то же время в район стали механически включать части китайских провинций и началось массовое заселение китайцами. Китайское население стало превосходить числом монгольское.*

Даже императоры Поднебесной не умели так делать свои дела.

Второй удар пришелся по головам тех монгольских коммунистов, которые годами плечом к плечу с их китайскими товарищами боролись за освобождение страны от гнета чанкайшистской буржуазии и японской военщины.

В годы «культурной революции» таких массами снимали с работы, в особенности с ключевых постов, дискредитировали, арестовывали, многих уничтожали. Сколько монгольских коммунистов в «автономном районе» было таким образом истреблено,

---

* Летом 1979 г. в Пекине принято решение восстановить Внутреннюю Монголию в границах 1969 г. Фактически же речь идет о превращении этого национального района в новую большую китайскую провинцию. — Э. Г.

сказать трудно. Известно только, что репрессии кое-где граничили с геноцидом.

В 1967 году в район были брошены войска и созданы ревкомы, набросившиеся на старые партийные кадры. Ни в чем не повинных людей обвиняли в измене Китаю, в стремлении создать некое «монгольское царство», в буржуазном национализме, в плане произвести раздел Китая, в преступлениях, поверить в которые могли только сумасшедшие.

Из Пекина, Шанхая и других китайских городов во Внутреннюю Монголию были отправлены толпы одичавших громил-хунвэйбинов, создававших хаос в городах и поселениях. В январе 1968 года председатель ревкома Внутренней Монголии Дэн Хайцин публично признал, что район находится на грани гражданской войны.

Но и это было не все.

Был предпринят особый поход против монгольской культуры и даже монгольского языка. По существу, речь шла о стремлении вообще покончить с монголами как с нацией, растворив ее в массе китайского населения. Такое окитаивание проводилось по-разному.

Было объявлено, что содействовать развитию монгольской культуры и изучению монгольского языка — значит наносить ущерб «единству Китая». «Особенности китайской нации, — писал еще в 1960 году выходивший в соседней провинции журнал «Синьцзян хунци», — превратятся в общие национальные особенности национальных меньшинств». Иначе говоря, иметь свои собственные национальные особенности не разрешалось. При этом подчеркивалось, что ханьцы (собственно китайцы) обладают исключительностью своей культуры и превосходством над другими нациями.

Утверждалось напрямик, что «судьба монгольского языка и письменности недолговечна», более

того, что «в недалеком будущем монгольский язык вообще исчезнет». В школах преподавание шло на китайском, преследовалось изучение монгольского языка даже в качестве второго. Национальные праздники и песни монголов были запрещены. Отличить все это от чистокровного расизма было трудно.

Чтобы будущие поколения жителей Внутренней Монголии больше вообще не чувствовали никакой кровной связи со своей родной национальностью, стали окитаивать и отдельные семьи.

Это делалось еще проще. Предписывалось совершать смешанные браки. В монгольскую семью вселили китайца, женившегося на дочери прежнего хозяина и затем принимавшего на себя руководство всей родней. По замыслу маоистов, в таких искусственно «переделанных» семьях уже должны были перестать не только говорить по-монгольски, но и вообще думать и помнить о своем народе.

Подобные методы удушения национального и человеческого сознания были дешевле устройства концлагерей.

Наконец, во Внутренней Монголии было принято еще одно мероприятие: произведена распахка пастбищ, издавна использовавшихся монголами; произведена там, где подлинной нужды делать это не было. Что это значило?

Пастбища распахивали, чтобы подточить экономическую базу существования этого древнего скотоводческого народа. Результатом был упадок животноводства в «автономном районе», что и требовалось доказать. Монголы говорили по поводу таких «реформ»: «это все равно, как если бы, держа в руках серебряную чашу, просить милостыню».

Так далеко, до самых экономических глубин, доходила операция по окитаиванию.

Возникает вопрос: лучше ли теперь живется монгольскому народу в КНР, чем при феодалах?

Ответ может кое-кого удивить, но он подтверждается действительностью. Знающие люди здесь сказали мне: жить теперь хуже.

Главное в том, что хотя «автономный район Внутренняя Монголия» по-прежнему значится на географической карте, его в национальном отношении методически ликвидируют.

Феодалы монголов угнетали и грабили, но жить на своей земле, говорить на своем языке, хранить свои традиции не запрещали. Богдыханам и их наместникам важно было выжимать из района побольше золота, остальное их не касалось. Нынешние пекинские власти изматывают душу монголов.

Важно и другое. То, что годами творилось с монголами и другими национальностями в КНР, — а некитайцев там 50 миллионов человек — грозит не только им.

Теперь ясно, что та же участь постигла бы любую другую азиатскую страну, которая попала бы в сферу влияния Китая. Доказательством служит хотя бы судьба Кампучии, где прежним пропекинским руководством был организован подлинный массовый террор; уничтожено свыше трех миллионов людей. Мы еще к этому вернемся.

Опыт Внутренней Монголии, Тибета, Синьцзяна, Кампучии подтверждает, что современный китайский национализм уже перещеголял национализм старой китайской буржуазии; как уже сказано, он начинает граничить с чем-то мало отличимым от расизма.

Нельзя упускать это из виду. Мелкие поблажки, предоставляемые наследниками Мао Цзэдуна в последнее время некитайским национальностям, сути дела не меняют.

Вспомним.

В начале текущего века ни один из путешественников, знавший подвластную тогда Китаю Внешнюю Монголию (ныне МНР), не сомневался, что монголов там ожидают тяжелые национальные бедствия.

Этого не произошло. Но спасли их от такой судьбы только победившие в 1921 году народно-революционные силы, действовавшие в союзе с Советской Россией.

Так сложилась новейшая история монголов на севере. Вместо предсказанного вымирания пришло национальное возрождение.

Самое же знаменательное в новейшем опыте другой части монгольского народа, живущей на юге, в КНР, говорит о чем-то диаметрально противоположном. Под властью нынешних китайских милитаристов опасность вымирания монгольской нации здесь не только не уменьшилась, а, скорее, увеличилась. Окитаивание — антитеза национальному возрождению.

Два исторических опыта, два пути. Факты перед глазами. Выводы делают люди.

Последние дни в Монголии.

Проезжаю через южную Гоби. Красно-бурые, синие, черные горы, самые различные другие краски. Пустыня эта сейчас, вероятно, одно из самых романтических мест на земле. Многое здесь осталось нетронутым как будто со времен сотворения мира.

Утверждают, например, что в Гоби, как нигде в другом месте, сохранились останки древнего животного мира. Природа этой пустыни местами скорее напоминает какой-то фантастический лунный пейзаж, чем земную поверхность. Именно здесь когда-то скоплялись динозавры. Целое кладбище их останков обнаружено здесь совсем недавно.

Но, находясь в Гоби, думается о чем-то даже слишком земном и современном. Южная оконечность этой пустыни соприкасается с входящим в состав КНР так называемым «автономным районом Внутренняя Монголия», населенном теперь главным образом китайцами. Напряженность на границе, как говорили мне монгольские друзья, сохраняется. Со стороны КНР ведется постоянная диверсионная работа. Через границу перебрасываются шпионы, производятся разведывательные съемки, продолжается усиленная военно-стратегическая подготовка.

«История суверенного существования МНР, — отмечала улан-баторская газеты «Унэн», — знает немало случаев, когда ее суверенитет и независимость подвергались серьезной опасности со стороны иноземных захватчиков и поработителей... В то же время с момента завоевания МНР независимости милитаристские круги Китая не скрывали своих великоханьских, хищнических устремлений поглотить Монголию и завоевать ее обширные земли... По-прежнему сохраняется непосредственная военная угроза МНР со стороны Китая».

Среди населения по ту стороны границы непрерывно ведется злобная агитация против МНР, издается клеветническая литература на монгольском языке. Делается все для того, чтобы подорвать дружбу между народами. Науськивают и на СССР.

В то же время теперь с той же стороны предпринимаются попытки как-нибудь подольститься к монголам, усыпить их, чтобы оторвать МНР от социалистического содружества и прежде всего от СССР. Можно сказать, что в деле такой двойной игры маоисты имеют не меньший опыт, чем западная дипломатия.

Собираю свои впечатления. Их много. Самым существенным исторiku кажется следующее.

Несколько социально-политических сил пытались на протяжении столетий одна за другой решать судьбы монголов. Каждая из них решала по-своему.

Сначала ранние монгольские феодалы во главе с Чингисханом, стремившиеся на быстроногих конях завоевать мир. Потом их наследники — князья, занимавшиеся больше всего междоусобными распрями. Затем маньчжурско-китайские богдыханы, господствовавшие в стране с XVII века до 1912 года. После них гоминьдановская буржуазия, представителем которой был Чан Кайши. Но только социализм открыл перед монгольской нацией выход из тупика, в котором она так бесконечно долго находилась. Я — в числе многих других — видел своими глазами, как она возрождается.

Вместе с президентом Монгольской Академии наук Б. Шырендыбом я заходил в юрты скотоводов и слышал их разговоры о новом в жизни их древней страны. Народ, населяющий плоскогорье в Центральной Азии, твердо идет по своему пути.

В мае 1925 года живший тогда на Капри Максим Горький писал представителю молодой монгольской интеллигенции Эрдени Батухану:

«...Насколько я могу судить о душе монгола по книгам, прочитанным мною о Монголии, я думаю, что наиболее полезна была бы Вашему народу проповедь принципа активности. Именно активному отношению к жизни Европа обязана всем тем, что в ней прекрасно и достойно усвоения всеми расами.

«Желание — суть источник страдания», — учил Будда. Европа ушла вперед других народов мира в области науки, искусства и техники именно потому, что она никогда не боялась страдать, всегда желая лучшего, чем то, чем она уже обладает. Она сумела пробудить в массах своего народа стремление к справедливости, к свободе, и за одно это мы

должны простить ей множество ее грехов и преступлений...

Мне кажется... Вам следует переводить именно те европейские книги, в которых наиболее ярко выражен принцип активности, напряжение мысли, стремящейся к деятельной свободе, а не к свободе бездействия».

Такой совет дал Горький интеллигенции МНР в 1925 году. К тому времени она со своим народом уже шла по этому пути. Историческому застою страны приходил конец, скачок из средневековья в социализм осуществлен.

Прошлые монголов в МНР было трагичным. Своим настоящим они вправе гордиться. Будущее на их стороне.

Улан-Батор.

Сговор с США и Японией

Чем чреват великоимперский план Китая? Кому и сколько придется за него платить?

Уже ясно одно. Пытаясь его осуществить, Пекин прежде всего вступает в сговор с США. Внедрение КНР в Юго-Восточную Азию, например, в настоящее время возможно лишь на паях с Америкой. Действовать там один Китай не в состоянии. Пекинские лидеры, таким образом, способствуют возвращению американского империализма на азиатский континент: туда, откуда он через 30 лет после войны был изгнан. Китай теперь, несомненно, помогает американцам вновь открыть перед собой азиатские двери — помогает им в том, что сделать для себя сами они едва ли смогли бы.

Это поистине неоценимая услуга заокеанским империалистам. Назвать такой шаг иначе чем прямым предательством по отношению к азиатским народам действительно нельзя.

В середине 70-х годов Америка потерпела сокрушительное поражение в Азии — самое тяжелое поражение в ее истории. Соединенные Штаты потеряли Индокитай и это, по общему признанию, серьезно потрясло их мировые позиции. Еще за десяток лет перед тем американцы были уверены, что в Азии им предстоит большое будущее. Оккупировав Японию, перехватив у Франции Южный Вьет-

нам, утвердившись в нефтяных районах Арабского Востока, включив в свою орбиту Турцию, Иран, Пакистан и Израиль, они считали, что фундамент для их гегемонии в значительной части Азии был заложен. В Вашингтоне боялись одного: антиимпериалистического фронта социалистических держав СССР и КНР в союзе с национально-освободительными движениями в разных азиатских странах.

Фронт этот и был взорван Китаем в 60-х годах. Вместо него в Пекине пошли на негласную сделку с Америкой.

Готовилось это долго и тщательно, как в Пекине, так и в Вашингтоне. В США прекрасно понимали, с кем имеют дело. Бывший президент США Эйзенхауэр писал еще в январе 1962 года: «Нас радует возникновение этих разногласий». В своих инструкциях американским послам по поводу советско-китайских разногласий Белый дом указывал: «Хотя США ничего не могут сделать, чтобы углубить этот раскол (тут Белый дом ошибался. — Э. Г.), мы должны по крайней мере избегать шагов, которые могли бы содействовать его устранению».

Позднее ту же мысль подчеркнул влиятельный правый американский сенатор, представитель военно-промышленного комплекса Г. Джексон. Он заклинал тщательно избегать всего, что могло бы сблизить русских и китайцев. «Самое ценное, что мы имеем, — говорил он, — это раскол между Советским Союзом и Красным Китаем». Самое ценное!

Оказалось, однако, что американцам и не требовалось «углублять раскол» со своей стороны. Углубляли сами китайцы. Позднее президент Кеннеди поручил помощнику государственного секретаря по делам Дальнего Востока Р. Хилсмэну заявить о готовности Соединенных Штатов держать «открытыми двери» для переговоров с КНР с целью улучшения американо-китайских отношений.

Двери были открыты. В апреле 1971 г. премьер Государственного совета КНР Чжоу Эньлай сказал посетившим его американцам: теперь, когда «вы положили начало, народы Китая и Америки смогут иметь постоянные контакты». Несколько дней позднее он заявил, что «в китайско-американских отношениях открыта новая страница». В феврале следующего года в Пекин явился сам вновь избранный президент США Р. Никсон, беседовал с Чжоу Эньлаем в течение в общей сложности 40 часов и был принят Мао Цзэдуном. Журналистам Никсон сообщил, что достигнута договоренность держать содержание переговоров в секрете.

В чем состоял секрет? Еще несколько месяцев спустя посетивший Пекин один из лидеров американской республиканской партии, будущий президент США Дж. Форд сделал следующее заявление о своих беседах: «Высокопоставленные китайские официальные лица... задавали много вопросов о достаточности военной мощи США. Они не хотят, чтобы США уходили из зоны Тихого океана или из какого-либо другого района мира». Иначе говоря, дело теперь шло о подготовке уже не только политической, но и военной сделки Китая с США.

Выяснилось и другое. Чтобы заключить эту сделку, Китай соглашался на переход в руки американских империалистов целого ряда важных позиций в Азии. «Китай, — отмечала в декабре 1975 г. газета «Вашингтон пост», — это самый лучший помощник США на мировой арене... Несмотря на его риторику, он действует так, чтобы укрепить американское присутствие в Южной Корее и Японии, на Филиппинах и в Таиланде. Он сдерживает Северную Корею и Северный Вьетнам». Год спустя и последовало то уже приведенное выше заявление американского специалиста по китайским делам С. Спектора, что Китай настаивает на сохранении американ-

ского военного присутствия в Азии и выражает «разочарование» по поводу поражения США во Вьетнаме.

Все было ясно. То, что произошло затем — уже в 1977—1979 годах, — поездка в Пекин государственного секретаря США С. Вэнса, визит туда же помощника президента США по вопросам национальной безопасности З. Бжезинского, поездка в Китай делегации конгресса США, визит в Вашингтон Дэн Сяопина и т. д. — служило только закреплению и уточнению тайного соглашения Китая с Соединенными Штатами.

Стоит только добавить, что (по сведениям индийской газеты «Пэтриот») в ходе всех этих переговоров между Пекином и Вашингтоном было достигнуто и «молчаливое соглашение» о политике в отношении Индокитая — территории, которую З. Бжезинский совершенно очевидно согласился отнести к китайской сфере влияния, как, может быть, и другие территории в Юго-Восточной Азии. В феврале 1979 года, когда Соединенные Штаты втайне стояли за спиной Китая во время нападения на Вьетнам, факт этот нашел новое подтверждение. Другими словами, Китаю предложили и тот принял взятку. Стало ясно, что разговоры между КНР и США велись, по существу, прежде всего о **разделе Азии**.

Это подтверждается и тем, что обе эти державы в последнее время совместно пытаются втянуть в свою орбиту АСЕАН — объединение пяти государств Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины), чтобы превратить его в вспомогательную для себя военную организацию. В апреле 1978 г. министр иностранных дел КНР Хуан Хуа официально предложил странам АСЕАН «создать единый фронт с КНР». При сговоре с Китаем это означало бы значительное

расширение американской стратегической «системы» в Индийском и Тихом океанах, уже включающей, помимо Китая, Японию, Южную Корею, Австралию, Новую Зеландию и базу на острове Диего-Гарсия. Таким образом, возникло бы еще одно звено в цепи планируемых военных блоков, которой Америка намерена теперь охватить земной шар, — блока САТО в южной Атлантике и блока МЕТО на Ближнем Востоке.

Кто кого перехитрит во всей этой игре, маоисты американцев или американцы маоистов? Ясно, что и те и другие считают себя непревзойденными талейранами и что каждый из них стремится использовать другого. Известно, например, что заведующий отделом ЦК маоистской партии (позднее ставший членом Политбюро) Гэн Бяо заявил слушателям пекинской дипломатической академии 24 августа 1976 г. следующее, говоря о «двух сверхдержавах», то есть о СССР и США:

«Для того, чтобы выжить, мы должны в первую очередь иметь дело с одной, чтобы победить другую... В данный момент пусть США защитят... берега Восточно-Китайского моря, чтобы мы могли сосредоточить больше сил для противодействия северной державе... Когда мы сочтем, что время настало, мы скажем дяде Сэму: будь добр, упаковывай вещички».

Понятно, почему пекинские руководители именно так и разъясняют своим подчиненным совершаемое ими предательство жизненных интересов азиатских народов. Приходится искать себе оправдание. Все, однако, по мнению автора этих строк, говорит за то, что в конечном счете игру выиграет не Китай, а Америка.

В военном отношении Америка несравненно сильнее Китая, который в результате сделки с ней фактически оказывается зажатым в тисках между 6-м и

7-м флотах США плюс возрождающийся японский милитаризм. В действительности американцы и ставят в Азии не столько на Китай, который нужен им прежде всего как фигура в шахматной игре против СССР, сколько на капиталистическую Японию, своего давнишнего союзника. Пекинские талейраны не понимают, что не они ведут, а их ведут. Действуя под гипнозом своего великоимперского плана, они продолжают расчищать американцам дорогу в Азию. Не случайно вице-президент США Мондейл, вернувшись в 1978 г. из поездки в Юго-Восточную Азию, прямо заявил о «возвращении Соединенных Штатов в Азию».

Такие же услуги оказывает Китай теперь Японии.

Летом 1978 г. КНР подписывает договор с Японией, явно направленный против СССР. Возникает тот же вопрос: какая из двух сторон больше выигрывает на этом договоре?

На Западе часто утверждают, что в выигрыше оказывается Китай, так как он получает доступ к широким промышленным ресурсам Японии. В какой-то мере это верно: Япония действительно может дать маоистскому Китаю многое из того, чего ему не хватает. Но что получает взамен Япония? И что перевешивает?

Достаточно по-настоящему вдуматься в этот вопрос, чтобы понять, в чем суть. Сближаясь с Японией, Китай помогает и ее экспансионистским силам вернуться на азиатский материк, где они оставили о себе такую страшную память. Тем самым он непосредственно способствует не только укреплению японской экономики, но и возрождению японского милитаризма, кровного врага азиатских народов, в том числе и китайского народа. Ибо ясно, что без сделки с Пекином Япония едва ли смогла бы вернуться на всех парах на материк, даже

если на ее стороне стояли бы Соединенные Штаты. Сколько азиатам придется заплатить за эту сделку?

Уже подтверждается, что китайско-японский союз предвещает воссоздание крупной японской армии; пока существуют лишь сравнительно небольшие «силы самообороны». Осенью 1978 г. сообщается о переговорах в Токио между военной делегацией КНР во главе с заместителем начальника китайского генерального штаба Чжан Цайцянем и японскими военными во главе с председателем объединенного комитета начальников штабов Японии Т. Такисино. Подробности остаются неизвестными.

Через 33 года после второй мировой войны японская военщина вновь подымает голову. Всем ясно, что и тут за ширмой стоят США и Китай.

Правда, недавняя коварная агрессия Китая против Вьетнама, видимо, испугала более трезвые круги в Японии. Надо полагать, они почувствовали, что новый китайский милитаризм может в будущем грозить их собственной стране. Но едва ли это всерьез остановит сговор китайской и японской военщины. Ни та ни другая не способны заглядывать далеко вперед.

Чем кончится сговор Китая с США и Японией? Предсказывать ход событий никто, разумеется, не может. Но соотношение сил между тремя партнерами бесспорно говорит против КНР. В Америке главным поборником сближения с Китаем называют Бжезинского. И вот что еще 18 мая 1978 г. писала в этой связи газета «Нью-Йорк таймс»: «Он (Бжезинский. — Э. Г.), как никто другой из официальных американских лиц, заинтересован в том, чтобы столкнуть Китай с Советским Союзом».

Это и есть ответ на вопрос, к чему (по крайней мере, согласно замыслу американских империалистов) должен привести их сговор с Пекином. Вести

третью мировую войну кое-кто за океаном намерен не только руками европейцев, но и руками азиатов — как китайцев, так и других народов в этой части света, вовлеченных в американско-китайскую орбиту.

Такова затемненная сторона нынешней политики Китая. Можно ли измыслить более катастрофическую политику? Назвать ее лишь крайне рискованной явно недостаточно. На практике она, как мы видели, превращается в прямое соучастие в глобальной стратегии капитализма. Этим путем США и Япония рассчитывают добиться того, о чем они еще совсем недавно не смели и мечтать.

В районах Индийского и Тихого океанов искрятся новые военные очаги. Неудивительно, что взамен Пекин получает от Америки и Японии свои 30 сребреников, правда, пока больше на словах.

С точки зрения здоровых антиимпериалистических сил в Азии на маоизм к тому же ложится ответственность и за другое историческое преступление. Его политика прямо нацелена на разъединение этих сил. Исходя из своих имперских замыслов, Китай препятствует возникновению большого социалистического массива в Азии, который означал бы важный поворот на сцене международных отношений.

Маоистский план, наконец, способствует росту великодержавной милитаристской бюрократии в самом Китае. Все говорит за то, что дело идет к созданию целой касты китайских наместников, чиновников и военных для азиатских стран, подлежащих, по расчетам Пекина, включению в сферу влияния КНР. Здесь опять-таки маоисты идут по стопам колониалистов.

И все же никакого неоколониализма, будь то и в американско-японо-китайском стиле, Азия не примет.

Глава седьмая

«Азиатская миссия»?

На Западе маоистов нередко называют «левыми марксистами». Совершенно ясно, что ни «левого», ни правого марксизма в природе нет, есть только марксизм. Тем не менее сами маоисты и их сторонники в других странах с готовностью причисляют себя к «левомарксистскому лагерю». В капиталистическом мире есть люди, которые им верят.

Вера эта ни на чем не основана. Если говорить о подлинных побуждениях и замыслах пекинских деятелей, то их «левизна» — всего лишь дымовая завеса. На деле в политике маоизма все более явно выступают наружу черты совершенно иной, глубоко скрытой идеологии — идеологии, прямо противоположной марксизму.

С точки зрения историка, заглядывающего вперед, не исключено, что тема эта может со временем приобрести особое значение. Но жизнь уже теперь ставит ее на повестку дня. Ряд неоспоримых фактов указывает на наличие скрытой маоистской идеологии.

За последние годы многим, несомненно, бросалось в глаза, что маоисты, когда только могут, выступают не только от своего имени, но как бы от имени всей Азии. Китай изображается как держава с некой предназначенной ему историей «объединительной» миссией в этой части света. Китайские

деятели говорят об этом, даже когда ведут официальные переговоры. Еще в 1962 году японский буржуазный политик К. Мацумура, принятый в Пекине Чжоу Эньлаем, после встречи с ним сообщил:

«На многочисленных беседах с нами премьер Чжоу Эньлай и его заместитель Чэнь И заявляли, что Азия по-прежнему остается Азией и что именно азиаты должны изменить историю мира. В теснейшем взаимодействии мы должны крепить узы, основанные на культурной общности и *расовом единстве*». (Курсив мой. — Э. Г.)

Никакого опровержения этого знаменательного сообщения не последовало. Напротив, высказывания маоистов в паназиатском духе с того времени стали настойчиво повторяться. Выступая в пакистанском городе Лахоре, Чэнь И заявил: «Азия принадлежит азиатам». «Великий Китай, — писала «Жэньминь жибао» в сентябре 1969 года, — во весь гигантский рост стоит на востоке земного шара». «Ветер с Востока одолеет ветер с Запада», — заявил сам Мао Цзэдун еще 18 ноября 1957 года. О чем напоминает это заявление? Не о лозунге ли «Азия для азиатов», который японские милитаристы выдвинули во время второй мировой войны? Суть та же. Восток прямо и открыто противопоставляется Западу.

Утверждается, что Пекин — это «центр тяжести» всей Азии и ее рупор в мировой политике, что КНР несет на себе «ответственность за судьбы народов» этой части света. На конференциях Организации афро-азиатской солидарности китайские делегаты выступают за «сплочение» народов двух континентов, но требуют исключения из их содружества Советского Союза как «неазиатской» и «белой» страны.

Иначе говоря, Китай и Азия отождествляются, но

фактически только Китаю предоставляется право говорить от имени всех азиатов. Это делается несмотря на то, что на КНР приходится лишь менее четверти территории Азии и что почти полтора миллиарда людей в Азии живут за пределами Китая.

Паназиатизм с чисто китайской окраской стал, таким образом, официальным девизом маоистов. Конечно, пропаганда такого рода служит кое-где в Азии и конкретным гегемонистским планам Пекина; кое-кого из наиболее наивных она может привлечь. Но это только подтверждает, что политика маоистов исходит из близких к расизму установок.

Социализм никогда не делил человечество на «белые» и «цветные» расы; этим до Мао Цзэдуна занимались только империалисты и проповедники крайних националистических теорий в лагере буржуазии. Вот почему в поисках исторических авторитетов для своей идеологии маоисты обращаются теперь не к Марксу и Ленину, а к таким фигурам, как средневековый азиатский тиран Чингисхан. Именно этот деспот-завоеватель, опустошавший в Азии и в Европе целые страны, открыто идеализируется в современном Китае как «объединитель Азии» и — что подразумевается — как предшественник маоистов. При этом его из монгола превращают в китайца, хана Батыя — тоже.

Мы ничего не преувеличиваем. «Жэньминь жибао» называет Чингисхана деятелем, «сыгравшим прогрессивную роль в истории Китая в целом». «И еще сорока государств», — многозначительно добавляет китайский журнал «Лиши яньцзю». Каких?

Когда в КНР некоторое время назад была опубликована сенсационная «Карта Китая в период его наивысшего могущества», оказалось, что в пределы Китая включены почти вся Азия и немалая часть Европы — именно те страны, куда шесть-семь сто-

летий назад вторгались орды Чингисхана, его сыновей и внуков Угедая, Батыя, Хубилая и других. Их завоевания рассматриваются как историческое наследство Китая. Знамя древних азиатских агрессоров — знамя маоистов! Чем отличаются такие идеи от крайнего, неистового национализма! Ведь вопрос ясен. Что делал Чингисхан с азиатскими народами? Он их истреблял, где мог — поголовно.

Для того же, чтобы обелить Чингисхана, показать этого истребителя народов как «собирателя» Азии, придумывается поистине сногшибательная теория, нечто такое, на что способны только маоисты.

«В прошлом, — пишет их историк Хань Чжулинь, — некоторые историки отрицательно относились к Чингисхану... Они подчеркивали массовые убийства... и не видели той прогрессивной роли, которую сыграл Чингисхан... Чингисхан ликвидировал все границы между государствами от Тихого океана на востоке до Каспийского моря на западе...

Его боевые кони прорвали крепкие стены, за которые были заперты народы этих сорока больших и малых стран, позволили их народам увидеть более широкий мир, в котором они могли действовать, познакомиться с более высокой культурой, у которой они могли учиться. Неужели же надо отрицательно оценивать Чингисхана с точки зрения тенденции исторического развития? Уничтожение сорока государств не могло обойтись без кровопролития и разрушений».

Следует запомнить эти строки: они написаны не только в свете мыслей о далеком прошлом. «Уничтожение всех границ между Тихим океаном и Каспийским морем» — путем массовой резни или даже геноцида. Приобщение к «более высокой культуре» — огнем и мечом.

Маоистский историк действительно рассуждает как чистокровный расист. Но дело, разумеется, не в

нем или в других современных китайских «исследователях». Не приходится сомневаться, что реабилитация и идеализация Чингисхана были предприняты в КНР по прямому указанию вождя маоистов.

В китайском журнале «Лиши яньцзю» этот тиран прославлялся за то, что «восстановил наше многонациональное великое государство в том виде, в каком оно было при династиях Хань и Тан». Династия Хань правила с III века до новой эры и по III век новой, династия Тан — в VII—X веках новой эры. Восхваляются разбойничьи феодалы поздних времен. Жившему в XVII—XVIII веках императору Канси в Пекине ставят в заслугу то, что рубежи управляемой им цинской империи простирались далеко во все стороны света.

Экспансия во что бы то ни стало, подчинение себе других азиатских стран и районов, чего бы это ни стоило, как бы они ни сопротивлялись! Китайский журнал «Синь цзяньше» писал еще в 60-х годах: «Нельзя расширение территории считать агрессией, а слабые гибнущие национальности объявлять объектами агрессии, сочувствовать им. Действия сильной нации или государства, направленные на расширение своей территории, соответствуют законам общего развития своего времени».

Далеки ли подобные тирады от высказываний ультранационалистов «классического», например, гитлеровского образца? Те также всегда подчеркивали право «сильной нации» расправляться со «слабыми, гибнущими национальностями». Разница лишь в том, что теперь с подобными утверждениями выступают люди, именующие себя «левыми» марксистами. Отказ от интернационализма у этих ренегатов ведет к шовинизму, обрастающему континентальными и даже глобальными амбициями. Процесс такого идеологического и политического переро-

ждения сложен, временами противоречив и для внешнего мира не сразу очевиден.

Есть и более авторитетные примеры того же перерождения в пекинских верхах. Беседуя с Эдгаром Сноу о войне между Японией и царской Россией в 1904—1905 годах и вспоминая о песне, прославлявшей победу Японии, сам Мао Цзэдун сказал: «Я до сих пор помню некоторые очаровательные слова этой песни... Я как бы ощущал красоту Японии и симпатизировал ее гордости и могуществу, воспеваемым в этой песне»...

Может ли так говорить марксист, для которого и царизм и японский милитаризм одинаково ненавистны? Ни один марксист так не скажет. Говорить так мог только человек, смотревший на вещи не с классовой, а с расовой точки зрения. Не секрет, что нынешняя маоистская дипломатия, вступая в сговор с японскими реваншистами, то и дело говорит таким же языком.

Можно ли, однако, считать, что, проповедуя паназиатизм, маоисты действительно включают в круг этого понятия всех азиатов или хотя бы все народы монголоидной расы?

Такое предположение было бы большой ошибкой. **Национализм маоистов на деле не всеазиатский и не монгольский, а великоханьский**, то есть чисто китайский. Только о возвышении самого Китая, о его гегемонии над всей Азией — и не только над Азией — мечтают пекинские руководители.

Это наглядно подтверждается тем, что уже годами происходит внутри КНР и о чем мы уже упоминали в главе, где говорилось о Внутренней Монголии. Идет непрерывное, систематическое «окитаивание» живущих в стране национальных меньшинств, тех же азиатов. Число не китайцев в КНР — чжуанов, уйгуров, тибетцев, монголов и других — составляет 50 миллионов человек. У всех этих народностей

своя многовековая культура, некоторые из них столетиями обладали собственной государственностью. Теперь их пытаются как можно быстрее лишить своего национального лица, стереть с карты КНР.

Окитаивание проводится самым беспощадным образом, всеми мыслимыми способами. Официально существующая автономия территорий национальных меньшинств сведена на нет. С людьми делают что хотят. В некоторые автономные районы неких тайских национальностей вселяют китайцев в таких количествах, какие дают им численный перевес. Так, как уже говорилось, произошло с Внутренней Монголией. Другой пример: в Синьцзян, где проживают 5 миллионов уйгуров, уже к началу 70-х годов было переселено 7 миллионов китайцев. Одновременно неких тайцев переселяют в китайские районы, где они растворяются. Или возьмем Тибетский автономный район. Там, в самом Тибете, из проживающих в КНР четырех с лишним миллионов тибетцев осталось уже меньше полмиллиона; остальные рассеяны в китайских провинциях.

Еще пример: находившаяся до недавнего времени под опекой Китая Кампучия, страна с населением 7,8 миллиона человек, была поставлена пропекинскими правителями на грань самоуничтожения.

Вот что рассказывали о положении в стране бежавшие из Кампучии поздней осенью 1978 г. вполне заслуживающие доверия лица:

— Жить стало физически и морально невыносимо. Царит небывалый произвол прокитайских властей, идет массовое истребление людей, нечто, мало чем отличающееся от геноцида (как уже упоминалось, в стране было уничтожено более трех миллионов человек, т. е. около половины всего населения. — Э. Г.).

Кампучийцев преследовали не только за проявление недовольства существующим режимом, но и за

жалобы на плохие условия труда или скудное питание, за просьбы о создании элементарных жилищных условий. Это называлось «нелояльностью». Карой обычно становилась смертная казнь, мера наказания определялась без суда местными чиновниками с ведома и одобрения китайских «советников».

Повсюду был установлен жесткий комендантский час. Жители были не вправе бесконтрольно покидать пределы улиц, где живут. Не вправе посещать родственников в других поселениях. Даже муж с женой могли встречаться только днем под присмотром трех лиц. Ночью они находились раздельно в мужских и женских бараках.

Гражданское население расселялось в так называемых «деревнях новой жизни», где, по сути дела, царствовал распорядок концентрационных лагерей. Над каждым таким лагерем возвышалась пулеметная установка. Жителям таких поселений было запрещено иметь в личной собственности предметы домашнего обихода, питание готовилось только сообща. Даже пожилые лица и подростки были обязаны работать по 11—12 часов в день. В перерывах между работой проводились собрания, на которых велась агитация против Вьетнама как «главного врага кампучийского народа».

Насилие в стране было нормой. Даже принц Сианук, защищавший в январе 1979 года режим Пол Пота — Иенг Сари в Совете Безопасности, позднее назвал их «убийцами и душителями». В партийном и административном аппарате режима, в армии систематически проводились чистки. Многие партийные организации были распущены, их руководители репрессированы.

Города и поселки были полны китайскими эмиссарами и лицами, выдававшими себя за «специалистов». Фактически они и стояли за всем, что происходило тогда в стране.

Выдержка из какого-то романа, полного кошмаров? Нет, вчерашняя действительность в зависевшей от Китая Кампучии.

Зачем Китаю нужно создавать такие режимы и такую жизнь в зависимых от него странах? Великодержавный национализм? Несомненно. Но это такой национализм, который переходит в явный расизм. Массовое истребление неугодных людей всегда было типичным признаком расистского образа мыслей. Совершенно очевидно, во всяком случае, что внутренняя политика маоистов указывает на то же, что их внешняя политика: их пан-азиатизм на деле сводится к китаизации других азиатских народов.

Великоханьский расизм, выше об этом говорилось, был присущ китайским феодалам и от них унаследован китайской буржуазией. Один из ее идеологов заявил: «Наша китайская раса, безусловно, может создать совершенное государство и превзойти пять континентов... Мы, китайцы, обладаем силой, чтобы фактически стать хозяевами мира».

Другой китайский националист, поэт-монархист Кан Ювей, писал:

«У нас четыреста или пятьсот миллионов людей,
Из которых мы можем наберем десять миллионов солдат.

У нас неисчерпаемые запасы железа и металлов,
Из них мы можем построить тысячи военных кораблей.

И тогда мы можем пройти через пять континентов,

На которых, вы увидите, как развеваются и танцуют флаги желтого дракона».

Мао Цзэдун о желтом драконе не говорил. Но он сказал: «Китай должен стать первой страной мира».

Он же считал себя создателем «азиатской формы марксизма».

Этим, однако, сказано еще далеко не все. Фальшивый паназиатизм — только одна сторона маоистского расизма. Столь же отчетливо выявляется в наши дни и другая сторона той же медали: **антиевропеизм**.

Это неудивительно. Одно неотделимо от другого.

Тогда как, однако, паназиатизм проповедуется маоистами открыто, во всеуслышание, их антиевропейские побуждения тщательно затемняются. В Пекине об этом вслух не говорят. Группа Мао не может вести свою игру за столом международной политики, не может, например, смыкаться с державами НАТО, да и с США, раскрывая свои карты. Тем не менее, именно сама политика маоистов, как и их теоретические высказывания, вскрывает, о чем идет речь. Вещи имеют свою логику.

Планы наследников Мао Цзэдуна касаются отнюдь не только Азии. Так часто высказываемое на Западе мнение, что острие маоизма направлено только против Советского Союза и что все дело в китайских притязаниях лишь на советские территории в Азии, глубоко ошибочно.

Центральная политическая идея маоистов в последние десятилетия, на которой они строят свои долгосрочные расчеты, известна. Она заключается в том, что третья мировая война не только неизбежна, но и желательна. Нельзя забывать о заявлении Мао Цзэдуна в ноябре 1957 года, что если в будущей войне будет уничтожена половина человечества, то «зато империализм будет полностью уничтожен и во всем мире будет лишь социализм, а за полвека или за целый век население опять возрастет даже больше чем наполовину».

Это страшные слова. Но что они означают, если говорить конкретно? Где будет находиться главный

театр военных действий, если капиталистический мир ее развяжет? **Какая** «половина человечества» будет осуждена на уничтожение?

Об этом Мао Цзэдун не сказал ни слова, ни в 1957 году, ни после. Между тем, для понимания «большой политики» Пекина это важнейший, даже ключевой вопрос.

Ответить на него нетрудно.

Маоисты относятся к судьбе «половины человечества» так безразлично потому, что, по их мнению, третья мировая война развернется главным образом на двух континентах — в Европе и Америке. Правда, пожертвовать несколькими сотнями миллионов азиатов они тоже вполне готовы. Но самое важное для них все же — возможность гибели европейско-американской, «белой» цивилизации. Все указывает на то, что на этом и строятся их расчеты.

Можно ужаснуться, можно не верить, что такое возможно. Но факты налицо.

Когда один видный английский коммунист стал доказывать китайским руководителям, что третья мировая война грозит сравнительно малочисленному английскому народу поголовным истреблением, ему ответили: «А где сказано, что мировое социалистическое общество нужно строить с англичанами?»

Деятель чехословацкой компартии спросил маоистов: «Если все 15 миллионов жителей Чехословакии будут убиты, кто же тогда будет строить социализм на моей родине?» Ответ гласил: «Нужно уметь жертвовать малым ради большого».

В одном из заявлений Политбюро Германской коммунистической партии говорилось: «Представители нашей партии еще в 1960 году на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве заявили китайским товарищам, что атомная война

означала бы национальную катастрофу для нашего рабочего класса, для нашего народа...»

Были и другие веские высказывания в том же духе. Европейские коммунисты не могут не думать о жизненных интересах своих народов. Но все это маоисты оставляют без внимания, их политика не меняется. На X съезде Компартии Китая в 1973 году Чжоу Эньлай в своем докладе заявил дословно: «Ныне международная обстановка характеризуется колоссальными потрясениями на земле. Надвигается ливень в горах и весь терем продувается ветром. Разрядка — явление временное и поверхностное, а колоссальные потрясения будут продолжаться в дальнейшем. **Такие колоссальные потрясения являются для народа делом хорошим, а не плохим**». (Выделено мной. — Э. Г.). Это, по существу, то же, что Мао Цзэдун сказал еще в 1957 году.

Дело, следовательно, не только во вражде маоистов к Советскому Союзу. Дело в их отношении к странам всей Европы, как и к Америке. Ведь ясно, что в случае атомной войны ураган смерти ударит прежде всего по континентам с наиболее высоко-развитой экономикой и самым многочисленным рабочим классом.

Маоистов явно не беспокоит то, что под этим ударом окажется не только монополистическая буржуазия. В зону огня попадут такие передовые отряды пролетариата в капиталистическом мире, как рабочий класс Италии, Франции, Испании, Португалии, Англии, ФРГ и других государств — стран, где зарождалось рабочее движение. С точки зрения маоистов все это — «малые жертвы». Но можно ли в таком случае назвать их позицию иначе чем анти-европейской?

Спросят: а Китай? Ведь вполне вероятно, что в

случае мировой термоядерной войны и он не избежит тяжкой участи.

Давно не секрет, что цель маоистской внешней политики — столкнуть между собой другие державы, самым же как-нибудь остаться в стороне. Но предположим даже, что дело обернется иначе. Прочитируем еще раз, что Мао Цзэдун сказал еще в 1965 году в беседе с Эдгаром Сноу, которым он часто пользовался как рупором (текст этой беседы был одобрен для публикации самим Мао Цзэдуном): «Другие народы могут быть полностью уничтожены в результате атомной войны, но в Китае останутся несколько сотен миллионов, которые смогут начать с нуля».

Расчет в этом. Заплатить своей кровью за маоистские планы должна не только Азия, но и Европа и Америка.

Но и это не все.

Как известно, во главе угла своей так называемой «революционной стратегии» в области борьбы с мировым капитализмом маоисты долгое время выдвигали идею «окружения мирового города деревней».

Утверждалось, что революционная инициатива в нашу эпоху перешла от «обуржуазившегося» рабочего класса Запада к бунтующему нищему крестьянину Азии, Африки и Латинской Америки. Согласно той же концепции армии восставших крестьян этих трех континентов призваны развернуть широкие партизанские операции, осадить «города» — то есть индустриально развитые страны — и в конечном счете сокрушить капитализм.

Ничего нового в этой теории, разумеется, не было. Еще в прошлом веке подобные идеи проповедовались анархистами и близкими им группами. Но почему их взяли на вооружение маоисты?

Что в современной международной обстановке

означало бы «наступление деревни на мировой город»? Не мерещится ли носителям этой идеи нечто вроде походов чингисхановых орд на запад?

Так, по крайней мере, воспринимали манифест против «мирового города» одурманенные маоистской пропагандой слои в Китае, в особенности незрелая, легко возбудимая молодежь. В одной из адресованных советским людям листовок «дацзыбао», вывешенных на улицах Пекина в дни «культурной революции», говорилось: «В наши сердца врезана вся старая и новая ненависть. Мы не забудем о ней и через сто, и через тысячу, и через десять тысяч лет! Однажды, когда придет час, мы сдерем с вас шкуру, вытянем из вас жилы, сожжем ваши трупы и прах развеем по ветру».

В другой листовке объявлялось, что хунвэйбинам предстоит сыграть «мировую роль». В третьей пояснялось: «Мы, хунзэйбины, должны поставить этот спектакль не только на сцене своей страны, но и на международной сцене, на которую мы должны подняться...» В те же дни в «Жэньминь жибао» было напечатано: «Молодые хунвэйбины разнесут весь старый мир на куски».

Так учили и так учат по сей день — несмотря на исчезновение со сцены хунвэйбинов — китайскую молодежь; тех, кто завтра станет в Китае у руля. Учат не только ненависти к Советскому Союзу, но и ненависти к «мировому городу», то есть прежде всего к соседней с Азией Европе.

При этом с особым рвением учат ненависти к европейскому социализму. Маоистская печать занимается этим делом все время. Но объясняется такая ненависть не просто характерным для маоистов грубым презрением к европейскому рабочему движению. Ее глубоко скрытые истоки — в наследованных от китайских феодалов и китайской буржуазии расистских взглядах.

Те же взгляды отражаются и в отношении маоистов к европейской культуре, к европейскому искусству. Весь мир был потрясен, узнав, что в КНР были «на веки веков» осуждены такие писатели, как Шекспир, Лев Толстой, Бальзак, Горький, такие поэты, как Гомер, Данте, Гейне, такие композиторы, как Бетховен, Моцарт, Чайковский, Шостакович, такие художники, как Леонардо да Винчи, Рембрандт, Пикассо. Объяснить это отношение художественными или социальными соображениями нельзя. Кто, кроме закоренелых, хотя и замаскированных расистов, может ненавидеть Шекспира и Бетховена?

Азия обладает собственной великой культурой. Все в мире это знают. Но это не объясняет, почему маоисты осыпали грубой руганью культуру Европы. Никакие «идейные» доводы здесь ни при чем.

Маоисты провозглашают, что Мао Цзэдун «преобразовал марксизм из его европейской в азиатскую форму». Об этом в Китае уже годами пишут во всех газетах, говорят во всех выступлениях, кричат на всех углах. Именно в «китаизации марксизма» маоисты усматривают величайшую заслугу своего «великого кормчего». Указывается, что «европейская форма марксизма» представляет собой чуждый для Китая «заморский шаблон». Утверждается, что, китаизировав марксизм, Мао Цзэдун превзошел «самого Маркса и самого Ленина».

Верно, что ничего общего с марксизмом теории Мао не имеют. Но назвать их смесью мелкобуржуазных концепций и псевдомарксистской фразеологии с ультранационализмом безусловно можно. Проповедь «азиатской миссии» маоистов, расчеты на гибель Европы и Америки в ходе третьей мировой войны, ненависть к европейскому социализму и европейской культуре, прославление Чингисхана, лозунг «окружения мирового города деревней» —

все это связано одно с другим и имеет один и тот же корень.

Встает вопрос, как могли многие люди в Китае поверить фальсифицированному, зараженному ультранационалистическим духом «марксизму» Мао Цзэдуна? На этот вопрос ответил он сам. Летом 1958 года, через полгода после Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, на котором он с таким безразличием говорил о вероятности гибели «половины человечества», Мао Цзэдун заявил: «Очевидной особенностью шестисотмиллионного китайского народа, помимо прочих особенностей, является его бедность и то, что он представляет собой лист чистой бумаги. На первый взгляд это плохо, на самом деле это хорошо... На листе чистой бумаги ничего нет, на нем можно написать самые новые, самые красивые слова, можно нарисовать самые новые, самые красивые картины».

Мао Цзэдун ничуть не постеснялся оскорбить китайский народ этими словами. Он считал и его приближенные считают и поныне, что могут делать со своим народом все что хотят, могут навязать ему любую нужную им самим идеологию и политику.

Так всегда думают националисты, пока история не доказывает обратное. К тому же маоисты пользуются тем, что справедливый гнев, вызванный многолетним хозяйничанием европейско-американских империалистов на азиатских землях, все еще не остыл в сердцах людей в этой части света.

Маоисты продолжают претендовать на то, что на них будто бы возложена некая «азиатская миссия». В действительности дело обстоит иначе. Они не несут Азии ничего, кроме новых бед и угроз.

Глава восьмая

За мирную Азию

Спрашивается: зачем пекинским политикам нужна огромная азиатская империя?

При богдыханах и мандаринах существование подобных планов было понятно. Китайские феодалы считали, что им на Западе предназначена божественная миссия. Империалисты Запада гнались за колониальной прибылью. Что же касается маоистов, то, как всем известно, они уже годами едва справляются с делами своей собственной страны. Считать, что они способны управиться с десятком других государств, только недавно завоевавших в героической борьбе свою независимость, не допускающих и мысли о каких-либо новых гегемонах, могут лишь иступленные фанатики.

Никакие здоровые экономические и политические потребности Китая не диктуют ему подобную экспансию. Она придумана. Это не революционная внешняя политика, как утверждал ее основоположник Мао Цзэдун и как повторяют за ним его преемники, а типичная имперская политика со всеми ее пороками и со всем ее лицемерием.

Решают не интересы народов, не идеи социализма, а диаметрально противоположные им побуждения одержимой манией величия клики. Настоящим коммунистам в Китае никогда ничего подобного и не мерещилось.

А между тем все эти махинации продолжаются. Ошибочно полагать, что в составлении таких планов принимает участие только маоистская верхушка. К их разработке привлечены также члены китайского генерального штаба, дипломаты, специалисты по вопросам экономической экспансии, руководители разведки. Имперская политика проводится не рывками, как придется, а шаг за шагом, год за годом.

Смерть Мао Цзэдуна и крах «четверки» ничего в этом не изменили. Напротив, нынешние лидеры-«прагматики», вышедшие из школы Чжоу Эньлая, явно считают, что они более подходят к таким делам, чем их предшественники.

Сомнений не остается. Великоимперский план несет с собой самую страшную угрозу китайскому народу, с которой он когда-либо сталкивался за все тысячелетия своей истории.

Удаться этот план не может. К концу XX века создавать империи невозможно ни в Европе, ни в Азии, ни на каком другом континенте. Построить псевдосоциалистическую империю и маоизировать мир маоисты не в силах.

Но зато, толкая китайский народ на путь отчаянных авантюр, они обрекают его на бедствия, которые еще трудно предвидеть. Мао Цзэдун, как уже упоминалось, однажды дал понять, что не видит ничего страшного в том, если в ходе мировой войны погибнет половина или даже две трети земного населения. Ни один китайский богдыхан, преследовавший великоханьские планы, не осмеливался думать о таких жертвах.

Не созданием новой азиатской империи, а превращением Китая в несчастную, истощенную страну чреваты эти замыслы. Наследники «великого кормчего» просто закрывают глаза на то, чего видеть им не хочется. Китайская трагедия в том и состоит, что

политикой большого и важного государства руководят слепые.

Как же авторы великоханьской программы рассчитывают провести ее в жизнь?

Не только посредством нажима на отдельные азиатские страны, посредством стравливания их друг с другом, посредством использования в целях Китая Соединенных Штатов и Японии (хотя в действительности обе эти державы используют Китай). Главная ставка делается на другое: на то, чтобы спровоцировать третью мировую войну.

Если эта провокация удастся, считают современные пекинские мандарины, то их план можно будет осуществлять на опустошенной Земле. Вот почему китайские дипломаты все время и кричат о «неизбежности» новой мировой войны. Они ее хотят. Но и тут эти деятели принимают желаемое за действительное.

Крутясь в водовороте своей политики, они не понимают, что рано или поздно потонут в нем. В конечном счете политический авантюризм никогда не прощается историей. Несмотря на сверхдержавный «размах» своих концепций, китайские руководители игнорируют реальности современного мира, плохо разбираются в вопросах соотношения сил.

Но это не снимает с них ответственности за творимые ими дела. Они утверждают, что их учитель «преобразовал марксизм из его европейской в азиатскую форму». На деле речь идет не о «китаизации» марксизма, а о самом бешеном, антимарксистском национализме.

Стратеги Китая хотели бы вновь превратить Азию в континент непрестанных смут и бурь. «Сегодня Китая есть завтра всего мира», писал в свое время орган партии Мао Цзэдуна — «Жэньминь жибао». Но это абсурд. Азии, так же, как всем другим

континентам, нужны не новые империи, а мир и безопасность. Чингисхановы времена прошли семь веков назад. Как ни велико население Китая, как ни обширна его территория, китаецентризм в наши дни — политическая, экономическая, географическая и социальная бессмыслица. Китайский народ, который хотят принести в жертву его нынешние властители, рано или поздно это поймет.

Скажем еще раз: Азии, как и всем другим континентам, срочно нужен мир. Из всех пяти материков самое страшное прошлое у нее. Только в нашем веке Европа выстрадала еще больше. Самый зверский феодализм буйствовал на азиатской земле. Столетиями азиаты не выходили из ураганной зоны варварских нашествий. Нигде жизнь не ценилась так дешево. Вырезались целые города, испепелялись районы величиной в европейские государства. Нигде до Гитлера не было таких бешеных, иступленных тиранов, как в Азии, один деспот-садист сменялся другим. Нигде не царила такая беспредельная и безысходная нищета, не было таких нескончаемых, повальных эпидемий, такого безжалостного гнета, такого хронического голода.

«Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело! — писал Карл Маркс в 1881 г., характеризуя положение в Индии. — Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает **размеров**, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают».

Даже Африка, которая столько вытерпела от колониализма, все же столкнулась с ним гораздо позже. Из века в век Азии, самому большому из материков, занимающему треть суши земного шара, обладающему наиболее древней культурой, не удавалось стать на ноги в ряд с Европой и Америкой. Когда-нибудь это будет считаться одним из самых разительных парадоксов истории, объясняемых ря-

дом экономических и политических причин. Марксистская история Азии, которую напишут последующие поколения, будет захватывающим по драматизму произведением.

Теперь, казалось, самое страшное позади. Социализм открыл путь этому континенту. Трудно представить себе, какое влияние развитие Азии на этом пути должно оказать на весь дальнейший ход современной истории. Несомненно, что в руках ее свободных народов находится теперь один из главных ключей к будущему всего мира. Но для того чтобы они смогли воспользоваться этим ключом, нужна Азия без чингисханов и тамерланов, без керзонов и танак — и без новейших претендентов на гегемонию, маоистов.

Азия заслужила мир на своей земле. И советские люди вправе сказать, что их страна делала и делает все для того, чтобы этого добиться. Идея обеспечения безопасности для Азии на основе совместных усилий государств этого континента, в частности создания зоны мира в особенно беспокойном районе Индийского океана, всегда была близка Советскому Союзу. «Интересам народов Азии, да и вообще интересам мира, — сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — отвечало бы достижение договоренности о сокращении военной активности в Индийском океане».

И на XXXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, и на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению представители СССР высказывались за такую договоренность. В настоящее время речь идет о том, чтобы заморозить военную деятельность в Индийском океане на ее нынешнем уровне. Разумеется, это было бы только первым шагом в ходе решения всей проблемы в целом. Вслед за тем могли бы последовать другие важные

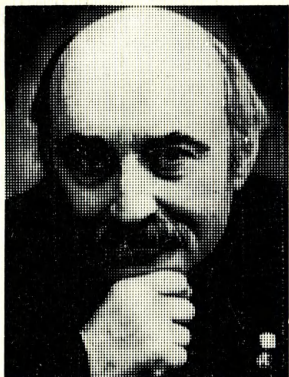
мероприятия, прежде всего — ликвидация иностранных военных баз.

Но кто-то все время мешает. Кто? Это известно каждому наблюдателю международной сцены. Мешают, во-первых, Соединенные Штаты, не только отказывающиеся уйти из этих районов, но даже расширяющие здесь и вокруг цепь своих военных баз. Другое государство, ставящее палки в колеса, — маоистский Китай, намеренный во что бы то ни стало построить в Азии свою империю. Судя по всему, обе державы идут в ногу. Вот почему азиаты все еще не знают подлинного мира и настоящей безопасности.

Иначе говоря, политика Китая и политика Советского Союза диаметрально противоположны друг другу. Важно учесть, что это касается не только Азии и не только международных отношений. Идеи марксизма-ленинизма, лежащие в основе советского строя, вообще несовместимы с маоизмом ни в области идеологии, ни в практической политике. Тот, кто смешивает одно с другим, делает большую ошибку. **Маоисты — не коммунисты.**

Мало того, в последнее время маоизм окончательно превратился в своеобразный вариант антикоммунизма. Его подлинная конечная цель — порабощение мира. При этом его вожди в действительности не делают различия между отдельными странами, континентами, партиями, между марксистами, социал-демократами, католиками, православными, буддистами, мусульманами. Непрестанно готовясь к мировой войне, они бросают вызов всему человечеству. В настоящее же время их политика направлена в первую очередь против народов Азии.

Но Азия не принадлежит китайцам. Она принадлежит всем народам этой части света. Слово за ними.

Эрнст ГЕНРИ — член Союза писателей СССР, старейший публицист-международник, лауреат премии им. Воровского за лучшие работы в области международной журналистики, присуждаемой Союзом журналистов СССР. Его книги «Гитлер над Европой», «Гитлер против СССР» принесли писателю мировую известность еще в 30-е годы. Более поздние — такие, как «Политика военных монополий», «Есть ли будущее у неофашизма?», «Могут ли коммунисты и социалисты идти вместе?», «Заметки по истории современности», — издавались в США, Англии, Франции, Швеции, Португалии, Аргентине, Китае, Индии и других странах. У советских читателей в последнее время нашли широкий отклик книга Э. Генри «Новые заметки по истории современности», такие его статьи, как «В погоне за люмпен-пролетариатом (за фасадом неофашистских и левацких организаций)», «Стратегия китайского милитаризма», а также брошюра «Разоружение: кто против?», вышедшая двумя изданиями в 1978 и 1979 годах.

